

На правах рукописи

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРУЗИИ И КАВКАЗА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2016

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета ФГАОУ ВПО «Тверской государственный университет»; обсуждена на заседании Отдела русской классической литературы ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН».

Научный консультант: **Сорочан Александр Юрьевич**
д.ф.н., ФГБОУ ВПО «Тверской
государственный университет»

Официальные оппоненты:

Денисенко Сергей Викторович,
д.ф.н., ФГБУН «Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук»

Михайлова Мария Викторовна,
д.ф.н., ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В.
Ломоносова»

Океанский Вячеслав Петрович,
д.ф.н., ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет» (Шуйский
филиал).

Ведущая организация: **ФГБУН «Институт филологии Сибирского
отделения Российской академии наук».**

Защита состоится «26» мая 2016 г. в 15 часов на заседании Диссертационного совета Д. 002.209.02 при ИМЛИ имени А.М. Горького РАН (Москва, ул. Поварская, д. 25а, актовый зал).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института мировой литературы им. А.М. Горького www.imli.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.ф.н.

О.В. Быстрова

Общая характеристика работы

Изучение констант русского национального самосознания в соприкосновении с иной национальной средой остается одной из наиболее приоритетных и перспективных областей отечественного гуманитарного знания. Исследование географического фактора в литературе представляет интерес в случае, если черты региона служат опорой определенному художественному единству, образуют сложную незамкнутую систему и выступают как локальная культурная традиция. Литература о Грузии и Кавказе представляет полноценный сверхтекст русской литературы, рассказывающий «о бурных днях Кавказа¹», фиксирующей изменения в национальном менталитете. Настоящая диссертация обращена к моделям включения этнокультурных компонентов в художественном творчестве русских писателей. На протяжении ста лет в русской литературе XIX – начала XX века один из заметных вариантов оппозиции «свой»/«чужой» реализуется как «русский»/«кавказский». Изображение христианской Грузии и всего Кавказа создают особый топос: для России XIX века они стали способом постановки и осознания многих собственно российских проблем, а не только сложностей новоприсоединенных к Империи земель. В русской литературе XIX века о Кавказе отражались непростые реалии войны и мира, гражданского и церковного строительства. Новый топос литературы, сменивший условный Восток эпохи Просвещения, потребовал создания новых жанрово-тематических комплексов, обновления сюжетно-мотивной структуры в динамическом единстве произведений, связанных с репрезентацией Грузии и Кавказа. Русская литература смогла выработать «двойную оптику», представить не только точку зрения присоединяющего центра, но и кавказского региона, показав широту имагологического подхода. При уникальном жанровом и стилевом разнообразии соответствующих текстов, в них сложились определенные тематические константы, устойчивые мотивы, позволяющие создать образ национального мира в инонациональной среде. Образ Другого на Кавказе во многом определял формирование и национального самосознания русской классической литературы.

Концепт «свои-чужие» определяется Ю.С.Степановым как «противопоставление, которое, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»². Подобное разграничение существует не только и не столько по линии пространственно-территориальных

1 Пушкин А.С. 19 октября. – // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Стихотворения 1820 — 1826. – М.- Л. Издательство Академии наук СССР Институт литературы (Пушкинский Дом). : Том второй. 1949. С.281.

2 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 472.

границ, но в системе верований и культур как динамическое формообразующее явление. Отношение к «чужому» в каждом исторически конкретном обществе было связано с определенной картиной мира, и поэтому оппозиция «свой-чужой» в разные эпохи обретала разные смыслы.

Настоящая диссертация, в которой рассматривается эволюция выделенной оппозиции, восполняет пробел в целостном изучении литературы о Грузии и Кавказе, их репрезентации в литературе и общественном сознании.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, важностью темы Грузии и Кавказа в русской классической литературе XIX и литературе XX века; во-вторых, историко-культурной ролью в истории Российской империи Кавказа и кавказской войны, которая продолжалась с 1817 по 1864 год. Именно в это время, после окончания войны 1812 года, происходит интенсивное оформление русского самосознания и закрепление в общественном восприятии кавказского мифа. По прошествии почти двух столетий эта проблематика по-прежнему остается актуальной для отечественной культуры. Отсутствие работ, целостно представляющих данную тему, как на материале художественной литературы, так и документальной прозы, фольклора, церковной и массовой литературы, делают настоящую работу актуальной.

Цель исследования - исследовать принципы репрезентации Грузии и Кавказа в русской классической литературе XIX – начала XX вв.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

изучить системные явления репрезентации Грузии и Кавказа в текстах русских авторов XIX века;

выявить принципы определения «другого» в произведениях разных модусов (художественных, документальных, агнографических, фольклорных, публицистических);

представить соотношение русской национальной идентичности и идентичности «горцев» в текстах разного времени, у разных авторов;

выявить роль и функции изображения кавказского мира в русской литературе с различных точек зрения, - имперско-исторической и сакральной, не только пространственно (в горизонтальном измерении), но также во временном аспекте, с позиций мифопоэтики (по вертикали).

проследить движение «кавказских» мотивов, их эволюцию в русской литературе XIX в.

выявить основание изменений репрезентационных парадигм Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX вв.

Объектом исследования являются репрезентационные модели Грузии и Кавказа в русской классической литературе.

Предмет исследования — принципы и приемы репрезентации Грузии и Кавказа в русской художественной и документальной литературе.

Хронологические рамки исследования — с конца XVIII века, с оды Г.Р.Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797) до публикации повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (1912).

Степень научной разработанности проблемы. К настоящему времени в отечественном и зарубежном опыте накоплен большой, но не равноценный

материал по теме Грузии и Кавказа. В ряде монографических исследований, посвященных творчеству отдельных писателей - Лермонтова, Грибоедова, Пушкина, Толстого, Полонского, серьезно рассматривается кавказская тематика в связи с поэтикой произведений. Существуют также компаративистские работы по теме «Русские писатели и Грузия», «Россия и Кавказ». Это исследования Л.П.Семенова³, В.С.Шадури⁴, И.К.Ениколопова⁵, И.С.Богомоллова⁶, И.Л.Андроникова⁷.

В ряде докторских диссертаций затрагиваются проблемы жанровой и стилевой природы произведений о Грузии и Кавказе в русской классической литературе. Особое внимание ученых привлекает изображение Кавказа в эпоху романтизма (Ю.В. Манн, С.Г. Бочаров, И.З. Сурат, В.А. Кошелев), и в творчестве Л.Н. Толстого (В.А. Ковалев, В.В. Келдыш, Я.А. Гордин).

Среди зарубежных исследований можно выделить статьи и монографии Скотта Петера «Кавказские пленники: идеология империализма в лермонтовской «Беле»⁸; Сюзан Лейтон «Российская империя и литература. Покорение Кавказа от Пушкина до Толстого⁹», ее же «Российская мифология девятнадцатого века о кавказских дикарях в русском востоковедении: границы империи и народы, 1700-1917¹⁰»; Льюиса Бэгби «Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм¹¹»; Пола Дебрецени «Социальная функция литературы. Александр Пушкин и русская культура»¹²; Стефании Сандлер «Далекое радости: Александр Пушкин и творчество изгнания¹³»; Евы Томпсон «Имперские знания: русская литература и колониализм¹⁴»; Норимацу Кёхэй «Субъекты колониальной репрезентации в русской литературе XIX века¹⁵», и

3 Семенов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой. – М., тип. Саблина, 1914. – С. 456. ; Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа. – Пятигорск – Орджоникидзе, 1941. – С.100.

4 Шадури В.С. Декабристская литература и грузинская общественность. – Тбилиси, – «Заря Востока», 1958. – С. 578. // Летопись дружбы. Грузинских и русских писателей с древнейших времен до наших дней в 2 тт. Тбилиси: «Литература да хеловнеба», 1962. – С. 680+678. // Русские писатели о Грузии [Сборник высказываний, писем и художественных произведений] в 2 тт. Составил Вано Шадури в 2 тт., – Тбилиси: «Заря Востока», 1948. – С.531.

5 Ениколопов И.К. Грибоедов в Грузии. – Тбилиси: «Заря Востока», 1954. – С. 160 ; // Ениколопов И.К. Пушкин в Грузии. – Тбилиси : «Заря Востока», 1950. – С. 132.

6 Богомоллов И.С. Полонский в Грузии. – Тбилиси : «Литература да хеловнеба», 1966. – С. 200; // Богомоллов И.С. Армения в творчестве Якова Полонского. – Ереван : Изд. АН Армянской ССР, 1963. – С.124.

7 Андроников И.Л. Лермонтов: Исследования и находки.[историко-литературные загадки в жизни и творчестве великого поэта] // Ираклий Андроников. – Москва: АСТ, 2013. – С. 635.

8 Scott Peter. "Prisoners of Caucasus": Ideologies of Imperialism in Lermontov's "Bela". //PMLA 107: 2 (1992). – pp. 246-260.

9 Layton Susan, Russian Literature and Empire. Conquer of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – (Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995).

10 Layton Susan, Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery, in Russia's Orient: Imperial Borderlands and People, 1700-1917, ed. Daniel.R.Brower and Edward J. Lazzerini. – (Bloomington and Indianapolis^ Indiana UP, 2001).

11 Бэгби Л. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. Санкт-Петербург. : Академический проект. – 2001. С. 368.

12 Debreczeny Paul, Social Function of Literature. Alexander Pushkin and Russian Culture. (Standford : Stanford UP, 1997).

13 Sandler Stephanie, Distant Pleasure: Alexander Pushkin and Writing of Exile (Stanford: Stanford UP, 1998).

14 Tompson Ewa M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism (Westport and London : Greenwood Press, 2000).

15 Норимацу Кёхэй. Субъекты колониальной репрезентации в русской литературе XIX века. // Лев Толстой: Сквозь рубежи и меж. Slavic Research Center . Hokkaido University. Sapporo. 2011. – С.167-187.

некоторые другие. Большинство зарубежных ученых рассматривают творчество отдельных авторов или политические аспекты функционирования литературы о Кавказе. Но обобщающих работ, прослеживающих эволюцию и значение литературы о Грузии и Кавказе в аспекте национальной идентичности, практически нет. Она не осознается как целостный сверхтекст русской литературы.

Настоящая диссертация восполняет пробел в изучении литературы о Грузии и Кавказе, их репрезентации в общественном сознании с помощью анализа мотивной структуры.

Научная новизна настоящей работы определяется тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении осуществлено многожанровое **типологическое** исследование принципов изображения Грузии и Кавказа как специфических моделей включения этнокультурных компонентов в произведения разных авторов, на разных этапах русской литературы XIX – начала XX века, в разных общественно-политических условиях развития России. Впервые целостно рассматривается единство кавказского сверхтекста, отразившегося в мотивных структурах, представляющих основные концепты русского общественного сознания XIX – начала XX веков.

Соответственно, **материалом** исследования стали ключевые произведения русских писателей о Грузии и Кавказе, включая как оригинальные, так и переводные произведения: поэзия, проза, документальная литература, массовая литература о Грузии и Кавказе, публицистика XIX столетия, солдатский фольклор времен Кавказских войн, агиографическая литература.

Методологическая база диссертационной работы определяется комплексным подходом, включающем использование историко-литературного, историко-культурного, мифопоэтического, историко-сравнительного, историко-типологического, сравнительно-типологического, биографического, интертекстуального, стилистического, имагологического и религиоведческого методов анализа. По мнению А.Ю. Сорочана, направление современных литературоведческих исследований «требуется как можно более широкого контекста освоения литературного процесса»¹⁶. Этот исследовательский контекст восстанавливается при анализе репрезентационных моделей. В работе рассматривается, как русская литература отражала жизнь внутренней колонии — Грузии и Кавказа. Термин «репрезентация» используется нами в связи с тем, что явления грузинской и кавказской жизни обладали своими («другими») национальными интенциями, которые русская литература вбирала и представляла (репрезентировала) читателям. Ведь сам по себе феномен «репрезентации изначально задается как «запаздывающий» или вторичный относительно присутствия — презентации, то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентует¹⁷». Соответственно этот методологический подход «позволяет нам рассматривать «вторичные проявления» — тексты, в которых фиксируется не

16 Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. Автореферат диссертации на соискание доктора филологических наук. — Тверь, ТвГУ, 2008. С. 3.

17 Новейший философский словарь. — Минск, 2001. С.826.

самый объект, <...> а представление о нем».¹⁸ Одним из важнейших аспектов репрезентации выступает литература, свидетельствующая о характере формирования представлений нации о себе и Других. Ряд исследователей, рассматривающих нацию как наррацию (Х.Бхабха), предлагают воспринимать национальное как культурное, исходить из того, что одной из основных форм репрезентации национального становится национальный миф, закреплённый в литературе.

Методологическую основу работы представляют исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные:

- проблемам поэтики: М.М.Бахтина, В.В.Виноградова, Ю.Н.Тынянова, Л.В.Пумпянского, А.П.Скафтымова, А.П.Чудакова, С.С.Аверинцева;
- поэтике русских классиков: Б.М.Эйхенбаума, Г.А.Гуковского, Л.П.Гроссмана, Н.В.Измайлова, Ю.М.Лотмана, Ю.В.Манна;
- проблемам сюжета и жанра, мотивной структуры произведения: О.М.Фрейденберг, Б.М.Гаспарова, В.И.Тюпы, Е.К.Рамодановской, И.В.Силантьева, Ю.В.Шатина, Ю.Н.Чумакова;
- проблемам поэтики мифа: работы А.Ф.Лосева, Р.Барта, Е.М.Мелетинского, Г.Д.Гачева, В.Н.Топорова, Б.А.Успенского;
- проблемам социологии империи: Э.Саида, П.Бурдьё, В.А.Тишкова, С.Хантингтона, А.Эткинда;
- проблемам философии истории: Н.А.Бердяева, А.С.Панарина, П.Нора;
- проблемам имагологии: Ю.С.Степанова, А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, Д.С.Лихачева.

В основе представляемой работы - выявление инвариантов репрезентации Грузии и Кавказа путем анализа конкретных литературных произведений и формирования образа Другого, способствующего становлению русского самосознания. Соприкосновение с кавказскими культурами, их воплощение в литературе отвечало запросам общества, поднимало острые проблемы времени.

В работе рассматривается соотношение этностереотипов образов русского («своего») и кавказского («чужого») народов. Соприкоснувшись с иным образом жизни, другими традициями, незнакомой культурой, русская литература извлекла из этого многое для понимания себя. Литературоведческая имагология как раздел компаративистики позволяет выявить, с одной стороны, особенности национального самосознания, мироощущения, менталитета, с другой, особенности воспринимаемого объекта. Характерно, что в восприятии кавказских чужестранцев русская литература не прибегает к средствам комического; кавказец никак не соотносится с «иностранцами», которых изображали Гоголь, Даль, Лесков, Толстой.

Сложность и богатство литературы о Кавказе требует различных

18 Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века. Автореферат диссертации на соискание доктора филологических наук. – Тверь, ТвГУ, 2008. С.5.

подходов к ее описанию. «Опыт искусства представляет собой превосходный путь: узнать чужое Ты в его Другости и, с другой стороны, в нем — собственное Я¹⁹» - так пишет Х.Яусс, представитель рецептивного метода, близкого к идеям М.М. Бахтина, В. Изера, Р. Ингардена. В представляемой диссертации, как и у названных авторов, произведение понимается принципиально диалогически и актуализируется в процессе восприятия.

Литература, описывая современность, фиксировала «места памяти». «Память укоренена в конкретном, в пространстве, в жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное. <...> Сегодня граница стерлась, и из почти одновременной смерти истории-памяти и памяти-фикции родился новый тип истории, легитимность и престиж которой базируется на новом отношении к прошлому и на другом прошлом»²⁰. В свете этой концепции представляется плодотворной мысль П.Бурдьё о необходимости дефиниций региона не только географами, экономистами, социологами, но и деятелями культуры²¹.

Новые аспекты пространства Кавказа исследуются в работе с позиции «мест памяти», истории-памяти региона, а также в динамике найденных и изобретенных русской литературой XIX века сюжетов и мотивов. Это, в свою очередь, предполагает исследование «мифологии места», попытки очертить проблематику анализируемых текстов, определить ее место и роль в развитии русской классической литературы. Поскольку место это не исчерпывалось одним каким-либо понятием, как то: «провинция», «окраина», «театр военных действий», «граница», «горы», «инославные», «дикие», либо «курорт», «рай», место паломничества, путешествия и т. д., то и в настоящей работе, опирающейся на типологию мотивных структур, Кавказ рассматривался с разных точек зрения.

Осваивая новый ландшафт и новых героев, новые отношения персонажей русских и горцев, русская литература первоначально формировала этностереотипы — Благородный Дикарь, Хищник, Дева Гор, Путешественник, Учтивый Гость. Постепенно в русском сознании, благодаря литературе о Грузии и Кавказе, менялся образ Другого. Произошло переосмысление многих образов жителей Кавказа. Дева Гор уступила место смиренномудрой Верной Жене («Н.А.Грибоедова» Я.П.Полонского), кавказская женщина перестала описываться как существо таинственное, предстала в обыденно-бытовом аспекте. Этнический «туземец», «хищник» изумлявший путешественников, Благородный Дикарь, нищий разбойник, стоящий на низкой степени цивилизации, трансформировался в Трагического Героя («Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого).

В литературе о Кавказе мы наблюдаем два основных типа репрезентации,

19 Яусс Х.-Р. К проблеме диалогического понимания. / Перевод с нем. Е.А. Богатыревой // Вопросы философии. — 1994. — № 12. — С. 105.

20 Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. // Франция-память. — Спб.: Изд. СПб ун-та, 1999. — С. 19, 49.

21 Бурдьё П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С.48.

отсылающих к традиции культурному опыту: Кавказ библейский и Кавказ имперский. Сюзен Лейтон назвала свою книгу «Русская литература и империя. Покорение Кавказа от Пушкина до Толстого»²². Но с автором этого серьезного исследования можно не согласиться в определении всей русской литературы как имперской, если понимать этот термин не хронологически — литература времени империи, а содержательно — литература, служившая покорению завоеванных народов. Еще более однозначно определяет Ева Томпсон своеобразие русской литературы, она выводит её из необходимости служить колонизации в книге «Имперские знания: русская литература и колонизация». Термин «колонизация» означает не только присоединение и подавление какой-либо территории, отрасли. В исторической литературе употребляется термин «колонизация» как «освоение» (применительно к ситуации XIV века: колонизация русского Севера монастырями после строительства Троице-Сергиевой Лавры). Сегодня метафора «внутренняя колонизация» обретает терминологическое значение (работы А.М. Эткинда и его последователей).

Первая книга о Грузии на русском языке «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии» митрополита Евгения (Болховитинова) появилась в 1802 году; она стала результатом тесных связей автора с кругом петербургских грузин-эмигрантов. Интерес к Грузии и Кавказу был живым, постоянным и неподдельным. Это касается прозы начала XIX века, таких произведений, как «Черный год, или Горские князья» В.Т. Нарезного или незаконченный роман о кахетинском бунте А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году».

Внимание к этнографии Кавказа проявляли практически все русские писатели, касавшиеся этого топоса. «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим как французский в Европе»²³ - писал в 1837 году из Тифлиса в письме к С.А. Раевскому Лермонтов. Классические тексты о Кавказе в качестве литературных памятников рассматривались неоднократно, исследования поэтики памятников в целом и рассмотрение их поликультурности возникали на стыке филологии и имагологии²⁴.

Анализ мотивной структуры позволяет более тщательно проследить соотношение интертекста и контекста. Это – система методик, выявляющая возможности наррации не изолированно, а вместе и во всех видах и родах литературы. В нашем исследовании мы используем понятие мотива, опираясь на суждения А.Н. Веселовского и их развитие в работах новосибирской школы его последователей, издающих многотомный Указатель мотивов и сюжетов русской литературы и фольклора. И. В. Силантьев считает что «мотив подобен слову, произвольному распаду которого на морфемы также препятствует семантическое единство его значения»²⁵.

22 Layton Susan. Russian Literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 356.

23 Лермонтов М.Ю. Проза. Письма. Сочинения в шести томах. – М.-Л. : Издательство Академии Наук СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1957. – Т. 6, С. 441.

24 Юнусов И.Ш. Постижение чужого в творчестве Л.Н. Толстого. – М.-Бирск : БирПГИ, 2002. – С. 72.

25 Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М. : Языки славянских культур, 2004. – С. 17.

Анализ мотивной структуры позволяет выявить семантические константы, характеризующие сознание русского общества, представленное в литературе. В работе выделяются четыре базовых мотива, задающих систему восприятия «иного» в литературе о Грузии и Кавказе. *Мотив плена* отражает тему свободы/неволи, актуальную в разные периоды существования Российской империи и сохраняющую актуальность до сих пор, о чем говорят произведения XX и XXI века²⁶. *Мотив границы* связан с проблемой первичного нациомоделирования и имагологическими моделями своего/чужого (Чужого Другого, Другого и Своего Другого). *Мотив чудесного исцеления* сложился как ответ на восприятие целительности минеральных вод и живописной природы Кавказа в контексте утопической мечты о потерянном рае. И наконец, *мотив культурного миротворчества* — следствие воображаемого представления о национальной идентичности - утопических попыток воссоздать органическое единство империи, основываясь на единоверии России и Грузии, без учета мусульманского населения, экономического устройства колоний, без преодоления языкового барьера. Тем не менее, во второй половине XIX века появляются проекты создания «новой отрасли русской словесности» - «кавказской». Возникают представления, что «за хребтом Кавказа» может сохраняться большая свобода — казачья община, а также могут существовать герои, противостоящие Империи — такие, как Хаджи-Мурат Л.Н. Толстого.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении XIX и начала XX века Кавказ остается в русской литературе воплощением Иного мира, объектом, нуждающимся в репрезентации.

Многочисленные колониальные интерпретации кавказской темы только маскируют «отдельность» Кавказа. Стремление колонизировать пространство лишь обнажает его особые характеристики.

2. В диссертации прослеживается на материале разрозненных текстов, посвященных Кавказу, образующих сложную систему, обращение к ключевым мотивам. На них, в свою очередь, основывается репрезентация «иного места». Сами по себе эти мотивы включают некие оценочные элементы, уравнивающие друг друга. Так соотносятся мотив плена и мотив исцеления, мотив границы и мотив культурного миротворчества.

3. Репрезентация Кавказа в литературе изменяется с течением времени. После «Кавказского пленника» А.С.Пушкина репрезентация Кавказа связана с ограничением свободы протагониста — будь то захваченный горцами воин или не способный избавиться от условностей цивилизации представитель империи. Ограничение свободы подчеркивается при сопоставлении состояний человека и природы, а преодоление несвободы может быть связано лишь с трагедией.

4. Отражение пространства нового «мирного Кавказа» формирует новую систему описания. «Кавказские курорты» не просто сменяют «кавказские опасности», когда осуществляется покорение новых территорий. В

26 Маканин В. С. Кавказский пленный. – Москва : Эксмо, 2009, – С.444.

русской литературе — с конца XVIII столетия — упоминания о Кавказе связаны с идеей телесного здоровья. Рассматривая документальные и художественные тексты, мы можем проследить, как этот мотив сохраняется неизменным, от романов просветителей до путеводителей начала XX века, обретая также мотив исцеления духовного.

5. Идея границы пронизывает кавказские тексты — граница эта воображаемая, так как «место памяти» (термин П.Нора) свободно от реконструкции реальных границ: империя поглощает Кавказ, но иллюзорная демаркационная линия совершенно очевидно характеризуется и в литературе путешествий, и в исторических романах. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» — наиболее яркое воплощение этой идеи: однако романтическая ирония, с которой связано изображение героического в данном тексте, позднее отходит на второй план. Мотив границы трансформируется в мотив «перехода».

6. Мотив культурного миротворчества рассматривается в форме просветительства церковного (А.Н.Муравьев) и светского. В разгар кавказской войны во второй половине XIX века миротворческие усилия приводят к появлению литературы утопической. В.А.Соллогуб, Я.П.Полонский, Л.Н.Толстой наряду с реалистическим изображением Кавказа создают образы идеального «горного мира». Традиция эта берет начало в творчестве Пушкина и Лермонтова и восходит к идее единства русского и грузинского православия, составляющую основу желательности русских на Кавказе.

7. Рассматриваемая система мотивов позволяет реконструировать всю модель репрезентации Кавказа в русской литературе. Иное пространство сохраняет статичные свойства, однако они корректируются с учетом мотивов, которые постепенно меняются. В систему антитез, которые детерминируются описанием Кавказа, непременно включаются «стабильные» (плен и исцеление) и «динамичные» (граница, культурное миротворчество) элементы. Тем самым репрезентация Кавказа, сохраняя единство, претерпевает в русской литературе рассматриваемой эпохи некоторые существенные изменения.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении основных черт поэтики литературы о Грузии и Кавказе на протяжении 100 лет, которая, несмотря на смены литературных направлений — романтизм, натуральная школа, реализм, — имеет общие стилистические черты, выражающиеся в мотивной структуре произведений различных жанров.

Практическая ценность исследования. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при составлении вузовских лекционных курсов, при разработке семинарских занятий по истории русской литературы XIX века, в рамках спецкурсов, при изучении обзорных тем, а также на факультативных занятиях в школе.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на Ломоносовских чтениях ИСАА при МГУ Секция «Экология культур Востока» (Москва, ИСАА при МГУ, 2005-2014), также на Международной конференции «Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре» (Санкт-

Петербург, Институт русской литературы Пушкинский Дом Российской Академии Наук, 2013), на конференции «Этноконфессиональные конфликты в Европе и на постсоветском пространстве» (Москва, Институт Европы РАН, 2010), на Всероссийской конференции с международным участием «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, 2013), на Международной научно-практической конференции «Диалог культур: Россия-Запад-Восток» «Кирилло-Мефодиевские чтения» в Институте русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2011), на конференциях «Нижегородский текст русской словесности» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный педагогический университет 2012, «Грехневские чтения» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2010 – 2012), «Художественное и документальное в литературе и искусстве (Казань, Приволжский (Казанский) федеральный университет, 2010, 2012), в докладе «Национальный миф в литературе и культуре: литература и идеология» (Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2011), на «Кормановских чтениях» (Ижевск, Удмуртский государственный университет 2014), в докладах «Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы» «Кусковские чтения» Московский Городской Психолого-Педагогический Университет, 2012, 2013, а также на методическом семинаре по проблемам жанроведения (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет 2011 – 13), в сообщениях «В. И. Даль в мировой культуре» (Украина, г. Луганск Луганский государственный университет, 2011), «Север и история. К 400-летию дома Романовых». (Мурманск - Варзуга. Пятые Феодоритовские чтения. 2012.), «Прошлое как сюжет» (Тверь, Тверской государственный университет, 2012), «Настоящее как сюжет» (Тверь, Тверской государственный университет, 2013), в докладе на секции картвелологии Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (Москва, ПСТГУ, 2001-2014), также на «Андреевских чтениях» (Москва, Библейско-Богословский Институт Св. Апостола Андрея, 2007-2013), «Успенских чтениях» (Киев, Киево-Могилянская Академия, 2008-2012), на Международном научном симпозиуме Contemporary Issues of Literary Criticism. (Тбилиси, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University. Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature. 2012, 2013) и др.

Основные положения исследования обсуждались на кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета. По теме исследования опубликованы 57 работ, в том числе 2 монографии, 2 учебных пособия и 19 статей в реферируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, 4 приложений и библиографического списка, включающего 412 наименований. Общий объем исследования - 365 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна избранной

темы, формулируются предмет, цель, задачи, теоретическая и методологическая базы исследования, положения, выносимые на защиту, характеризуется степень изученности проблемы, определяются теоретическая значимость и практическая ценность работы, ее структура.

В главе I «Мотив плена» впервые в литературоведении рассматривается применительно ко всему кавказскому материалу мотив неволи; кавказский тоpos осознавался в этой мотивной структуре как пространство свободы, но посредством негативного воплощения.

В становлении русского национального самосознания в течение XIX века центральной была тема свободы-несвободы и *плена*. Она и стала доминирующей в литературе целой эпохи, определила центральные мотивы в репрезентации Кавказа. «Кавказский пленник» А.С. Пушкина стал подлинно мифопорождающим текстом. Оппозиция свободы-неволи, столкновение разных этносов, разных ступеней цивилизации дали яркое представление о Кавказе, которое разворачивается на фоне богатейшей природы и описания новых порядков, которые устанавливаются в связи с присоединением Кавказа к Российской империи в XIX веке. Мотив плена находит отражение как в литературе «первого ряда» (А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Л.Н.Толстой), в произведениях второстепенных авторов (А.А.Бестужев-Марлинский, А.Ф.Вельтман, П.П.Зубов, Д.Л.Мордовцев), а также в массовой литературе XIX века (В.Р.Зотов, Н.И.Зряхов, Л.А.Чарская).

В первом параграфе раздела **первой** главы «Поэма «Кавказский пленник» А.С.Пушкина как основа формирования мифа» речь идет о ключевом тексте, влияние которого проявилось в дальнейшем развитии мотива.

В данной главе рассматривается генезис мотива плена в литературе романтизма. В примечаниях к поэме «Кавказский пленник» Пушкин цитирует Г.Р. Державина («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797) и В.А. Жуковского («К Воейкову. Послание», 1814). Ю.М. Лотман в статье ««Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе»²⁷ обращает внимание на то, какое влияние оказала поэтическая переписка между Воейковым и Жуковским на молодого А.С. Пушкина и на поэму «Кавказский пленник». Воейков, советовавший Жуковскому писать более длинные сочинения, называл два жанра — сказочная поэма и описательная поэма в духе «Садов» Делиля. «Кавказский пленник», который первоначально носил название «Кавказ», должен был стать именно описательной поэмой, в духе модной на Западе XVIII века поэтики «живописности», разделявшейся членами «Арзамаса», о чем подробно пишут О.А.Проскурин²⁸ и японский исследователь Норимацу Кёхэй. Норимацу, вслед за Кристофером Эли²⁹, проницательно замечает, что для описательной поэмы члены «Арзамаса» выбирают южные колонии империи как объекты изображения, считая, что русские писатели не

27 Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе. // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. — СПб. : 1996. — С. 468-486.

28 Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. — М. : изд НЛЮ, 2001. — С.108-122.

29 Ely Christopher/ This Meager Nature^ Landscape and National Identity in Imperial Russia. — DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002, — Ch.2

нашли на родине пейзажей, соответствующих эстетике «живописности». Норимацу анализирует «кавказское» творчество Воейкова, сравнивает глаголы зрения «видел/зрел» в описании Кавказа у Воейкова, Жуковского, Державина и приходит к выводу, что Пушкин в «Кавказском пленнике» трансформирует жанр описательной поэмы³⁰. Одним из новшеств стала недосказанность поэмы. Она была рассчитана на домысливание читателями исторических обстоятельств, эскизно упомянутых, в частности, в эпилоге «Кавказского пленника». Существовал ряд событий, которые ссыльный поэт не мог назвать прямо, но мог только обозначить. Например, события, которые были связаны с политикой Александра I на Кавказе, противоречившей тем дипломатическим и историческим документам между Грузией и Россией, которые были подписаны в Георгиевске.

Пушкин обращается к «Богине песен и рассказа. / Воспоминания полна, / Быть может, повторит она / Преданья грозного Кавказа; / Расскажет повесть дальних стран, /... Измены, гибель россиян / На лоне мстительных грузинок»³¹. Подоплека поведения «мстительных грузинок» была отнюдь не любовная, а политическая, связанная с насильственным переселением грузинского царского дома в Россию и убийством генерала Лазарева.

В поэме представлены две оппозиции: Восток / Запад и Юг / Север, которые изображает Пушкин. Первая из этих парадигм соотнесена с оппозицией «природа / цивилизация» и находится в русле просветительской традиции, вторая отождествляется с оппозицией «природа / культура». «Первая парадигма развивает традицию, заложенную кругом философских идей XVIII века (Руссо, Мабли, Гельвеций), здесь образы кавказцев функционально сближаются с ипостасями Другого, прежде всего, с цыганской темой, и включаются в оппозиции противоположенной «неволи душных городов» — «дикой вольности». Однако если цыганская тема связывается с традициями просветительской социологии, то решение кавказской темы вписано в цивилизационный контекст: противопоставление «лукавого Запада» «девственному Кавказу»³². Новый герой «Кавказского пленника», лишенный имени — «русский» — становится воплощением усталости западной (в том числе русской) культуры.

Автор разделяет мнение В.М. Жирмунского о том, что после «Кавказского пленника» сюжет о русском пленнике стал исключительно восточным, любовным, байроническим: «...пленение европейца (русского) и жизнь его в экзотической обстановке мусульманского Востока, любовь туземной красавицы, попытка бегства, удачная или неудачная, образуют у подражателей Пушкина и Байрона прочный сюжетный остов»³³. К таким подражаниям можно отнести «Киргизского пленника» Н.Н. Муравьева (1828),

30 Норимацу Кёхэй. Субъекты колониальной репрезентации в русской литературе XIX века. // Лев Толстой : сквозь рубежи и межи. Гл. Ред. Тадаси Накамура. — Slavic Reserch Center/ Hokkaido University, — Sapporo, May 2011, С.172-176.

31 Пушкин А.С. Кавказский пленник. // Пушкин А.С. ПСС., — Там же, — Т.IV, С. 129.

32 Бреева Т.Н., Хабибулина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. — Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2009, — С. 174.

33 Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. — Л, «Наука», ЛО, 1978ю-- С. 239.

«Пленника Турции» (1830) Д.Д. Комиссарова, «Пленника» П. Родивановского (Половцева) (1832), пародии «Калмыцкий пленник» Н.В. Станкевича и Н.А. Мельгунова и собственно «Кавказских пленников» М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого, о чем речь пойдет ниже.

В диссертации отмечается, что А.С. Пушкин спустя полтора десятилетия, в «Путешествии в Арзрум», отказывается от восхищения методами военной колонизации и увлечения местным колоритом.

Параграф **второй** главы **первой** «Мотив кавказского пленника в творчестве М.Ю.Лермонтова и А.А.Бестужева-Марлинского».

Рассмотренный ранее материал позволил нам подойти к изучению мотива плена в динамическом аспекте. Ранняя поэма М.Ю. Лермонтова «Кавказский пленник» (1828), во многом подражательная, имеет существенное отличие от пушкинской поэмы, особенно в финале. М.Ю. Лермонтов не касается темы военной славы России, А.П. Ермолова, покорения Кавказа. Но М.Ю. Лермонтов сохраняет семантическое ядро пушкинской поэмы и усиливает мотив невольной вины стариков-родителей в гибели детей. Мотив вины отцов будет повторяться в кавказских произведениях М.Ю. Лермонтова.

Физиологический очерк, который приходит на смену поэме, получает в творчестве М.Ю. Лермонтова сначала эскизное («Кавказец»), а затем развернутое воплощение в образе Максима Максимыча. Особый психологический тип военного, вся жизнь которого связана с Кавказской линией, чередованием столкновений с горцами и коротких передышек мирной жизни в крепости, оваян поэзией товарищества. Кавказская линия, с ее не освоенной цивилизацией природой, выступает антитезой жизни в центре. Здесь стираются социальные барьеры и определяющими являются подлинно человеческие, духовные ценности. Лермонтов показывает в единстве характер героя и ландшафт.

Основные сюжетные элементы в развитии мотива плена: бегство, стремление к свободе, любовь героя к туземке, интерес к культуре горцев, изображение красочной природы Кавказа, осмысление взаимоотношений России и Кавказа — получают дальнейшее осмысление в прозе А.А. Марлинского и Л.Н. Толстого.

Миф о кавказском пленнике претерпевал различные трансформации. В начале 30-х годов А.А. Бестужев-Марлинский фактически перекладывал сюжеты поэм в прозу. И одна из самых популярных тем — плен героя — звучит в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев» (1831). Вариантом мотива плена становится также и мотив предательства героя, оказавшегося в плену у русских, который Бестужев-Марлинский будет разрабатывать и в повести «Аммалат-бек» (1832). В повести «Мулла-Нур» мотив плена представлен в разных ипостасях: основной сюжет связан с исповедью героя, в плену у которого находится автор, внутри текста содержится эпизод, в котором комически разыгрываются плен второстепенного персонажа Гаджи-Юсуфа. Во вставном эпизоде мотив плена низведен до пародийного пленения. Перепуганного труса и хвастуна Юсуфа на спор берет в плен женщина, жена Мулла-Нура Гюль-шад. Затем следует эпизод попытки договориться о выкупе с

похитителем, а через несколько сцен — продолжение розыгрыша — испытание поведения Юсуфа накануне мнимой казни.

В финале повести Бестужев-Марлинский снова отходит от канона мотива плена. Мулла-Нур спасает жизнь автору, прежде, чем взять его в плен. Пленник и разбойник оказываются равно благородными героями, следует взаимное испытание характеров и затем Мулла-Нур завершает поединок в благородстве словами, обещанием рассказать всю свою жизнь. После чего следует скупое сообщение, что он назвал главные случаи своей жизни, которые автор записал не вполне и не во всей силе.

Аммалат-бек — один из лучших персонажей А.А. Бестужева-Марлинского. Сочинитель почувствовал потребность читателей в ярком и динамичном повествовании, на манер исторических романов Вальтер Скотта, и представил публике свои произведения на экзотическом материале. Стиль его изобилует литературными и риторическими красотами, но они были востребованы читающей публикой.

Проза Бестужева ориентирована на занимательность. Отсутствие глубины и подлинного драматизма, подмена психологической характеристики риторикой, утомительное однообразие героев и их речей привело к тому, что несмотря на читательский успех, стиль писателя, изобилующий особыми эффектами («бестужевскими каплями», «марлинизмами»), можно соотнести с массовой, низовой литературой. При этом идеи, которые развивает писатель, его взгляд на Кавказ, не могли не вызывать сочувствия и формировали отношение к Кавказу у нескольких поколений читателей.

Бестужев не отличается европоцентризмом. Он учит татарский, в его повестях появляются слова на чеченском, кабардинском, в «Аммалат-беке» — 25 иноязычных выражений. Автор стремится рисовать образ народа, передавать его облик. «Будьте уверены, что покуда просвещение не откроет новых средств к довольству и торговля не разольет его поровну во всех ущельях Кавказа, горцев не отучат от разбоев даже трехгранными доказательствами»³⁴.

Параграф **третий** главы первой «Мотив плена в документальной литературе».

Анализ документального материала позволяет выделить мотив плена, как мотив свободы и сочувствия к врагу. Русская литература, и художественная, и документальная, никогда не становилась на позиции однозначного официального осуждения всего кавказского народа, «врагов вообще». Красноречивым примером могут служить «Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау.

В 1835 году барон Торнау совершил дерзкую разведывательную операцию — под видом горца пробирался в горы, занимаясь составлением географических карт и сбором военных сведений. Во время второй поездки в 1836 году кабардинцы обманом взяли его в плен. «Воспоминания кавказского офицера» — документальный рассказ об этом - напечатаны в 1864 году. «Воспоминания», написанные точным слогом военного донесения, «римской

34 «Трехгранные доказательства» - трехгранный штык. Марлинский А. Кавказские очерки. Полное собрание сочинений. – СПб. : 1838-39, ч.Х, стр. 42.

прозой», хороши не только как свидетельство очевидца, знающего жизнь кавказских племен изнутри. Они отличаются наблюдательностью автора, его умением преодолеть собственные печальные переживания и представить аналитический очерк иной цивилизации, всякий раз отмечая проявление достоинства, благородства и человечности, наряду с первобытной дикостью. Особенно это касается образа кунака автора Тембулата Карамурзина, который предпринял беспрецедентные усилия и через два года добился освобождения своего русского друга.

К самому институту торговли людьми автор относится с пониманием, приводит суждения своих хозяев, что «убить гяура, русского, есть благое дело, но что Коран запрещает истязать человека, какой бы веры он ни был»³⁵.

Торнау рисует яркие портреты тех, с кем его сталкивала судьба, описывает образ жизни черкесов, кабардинцев, дагестанцев, абадзехов. Находит эпизоды, позволяющие читателю составлять впечатление о сложном переплетении интересов великих держав на Кавказе, о положении женщин. С теплотой Торнау рисует образ девушки Аслан-Кос, горячо сочувствовавшей пленнику и даже готовой выйти за него замуж, если он примет ислам. Несомненно, Л.Н. Толстой был знаком с воспоминаниями барона Ф.Ф. Торнау и заимствовал из его мемуаров ряд мотивов. Достоинство, презрение к житейским лишениям, энергия и сметка героя, трогательная симпатия черкесской девушки к пленнику роднят Жилина с прототипом — бароном Торнау. Но фабулой далеко не исчерпывается «Кавказский пленник» Толстого, имеющий подзаголовок «быль».

Параграф **четвертый** главы первой — ««Кавказский пленник» Л.Н.Толстого».

Использование Толстым приемов повествования, ориентированных на пушкинскую поэтику и стилистику, а также интертекстуальных связей с произведениями Пушкина служат своеобразной формой манифестации вторичного пушкинского мифа. Демифологизируя идеологический вариант пушкинского мифа, Толстой создает свою мифологию, свой вариант мифа, а «чужой сюжет» (пушкинский) связан с выбором отдельных мотивов.

Репрезентация Кавказа в прозе Толстого получила разнообразное воплощение. С окончанием в 1864 году кавказских войн история кавказского пленника получает новую жизнь в русской литературе в связи с новаторскими идеями Л.Н. Толстого в области воспитания и понимания задач прозы. Толстой дважды обращался к мотиву плена. В первый раз — в четвертой «Русской книге для чтения» (безыскусно рассказана история пленения Жилина и Костылина — прозаическое переложение для детей пушкинской поэмы, которым Толстой очень гордился). Второй раз — зеркально поменяв местами разбойных горцев и русских — Толстой описал плен и бегство героя из России в горы в повести «Хаджи-Мурат».

Л.Н.Толстой использует в качестве «чужого сюжета», формирующего семантическое ядро повести, поэму «Кавказский пленник» А.С.Пушкина и

35 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М, «АИРО –XX», 2000 – С. 256 –257.

«Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф.Торнау. В работе показано, что мотив существует в динамике. Толстой меняет мотивацию — не объяснимую рационально любовь к русскому пушкинской черкешенки на жалость девочки Дины (как Аслан-Кос в воспоминаниях Торнау), которая привязалась к Жилину и помогала ему из человеколюбия. К неизменным концептам авторского мировоззрения относится представление о равном достоинстве человеческих чувств, независимо от того, кто их испытывает. Добро и зло стоит для Толстого над персонажами разных возрастов, национальностей, конфессий. В диссертации анализируется способность писателя выстраивать модель становления этнокультурных концептов в «Кавказском пленнике» и особенно, в повести «Хаджи-Мурат».

Толстой отказывается от психологического анализа, «диалектики души» персонажа, от подробного авторского комментария. В диссертации фиксируются поиски эпического стиля в повести. В процессе работы над «Книгами для народа», Толстой начал изучать древнегреческий, чтобы лучше понять Гомера. Он заимствует способ выражения чувств, чтобы сделать текст понятным самому широкому кругу читателей. В «Кавказском пленнике», как в поэмах Гомера, чувства выражаются действием, а сама повесть обретает черты «высокого» эпоса.

В параграфе **пятом** главы первой рассматривается **мотив перехода военного в монахи**.

Неволя военной службы во второй половине XIX века, к периоду окончания кавказских войн, осознается все острее. Меняется отношение к роли кавказцев в литературе. В диссертации отмечается, что кавказский военный опыт из особенного и романтического, начинает восприниматься как обычный, едва ли не рутинный. Это изменение находит отражение у таких авторов, как В.И. Даль, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский.

В.И. Даль в 1861 году решает дописать повесть «Рассказ лезгинца Асана». В первой части «Рассказа...» ряд эпизодов знаком читателям по кавказским романтическим повестям. Проведя героя через ряд острых ситуаций — разбойничества, плена, солдатской службы, бегства, автор решает изменить во второй части коренным образом судьбу героя и характер сюжета. Асан принимает христианство и задумывает заняться миссионерской деятельностью.

В.И. Даль, верный эстетике физиологического очерка, не уделяет особого внимания описанию внутренних переживаний героя или же рассуждениям о пути праведников, важным для литературы этого времени. Даже неординарная личность и биография о. Игнатия Брянчанинова, оставившего военную службу и принявшего монашеский сан, не привлекает внимания автора, тогда как именно биография Брянчанинова станет предметом размышлений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Позитивный, идущий из древнерусской литературы, образ защитника отечества, который был связан с Отечественной войной 1812 года, начинает в конце Александровской и Николаевской эпохи приобретать негативные черты и к последней четверти XIX века в русской прозе появляются сюжеты, в которых герои стремятся к праведной жизни, отталкиваясь от своего военного прошлого. Меняется и роль Кавказа в

литературе второй половины XIX века. Воинская честь, все более формально, если не превратно понятая, и правда Христа оказываются несовместимыми. Герои «Братьев Карамазовых» – и Митя Карамазов, и старец Зосима в молодости служили на Кавказе. Об этом упоминается как о чем-то малозначимом и обыденном. В работе рассматриваются пути преодоления несправедности офицерской службы в «Житии... старца Зосимы» из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и рассказе «Фигура» Н.С. Лескова, герой которого также служил на Кавказе.

В параграфе **шестом** главы первой рассматривается реализация **мотива плена в массовой литературе**. Со временем мотив плена становится штампом. Лермонтов начинает предшествующую «Мцыри» поэму «Сашка» (1835—36) ироническим рассуждением об увлечении темой плена. «Наш век смешон и жалок, — все пиши / Ему про казни, цепи да изгнания, / Про темные волнения души, / И только слышишь муки да страдания»³⁶.

Эта ирония предвосхищает «нисхождение» мотива плена в массовую литературу. Вторичность низовой литературы ведет к тому, что мотив этот, несмотря на усилия авторов сохранять серьезность и важность темы, получает упрощенное освещение. Сам факт заимствования сюжетного ядра не является определяющим. Но в массовой литературе, кроме авантюристичности и верноподданнических идей, читателю не предлагается ничего другого. Так же не самостоятелен язык произведений. Распространенный прием письма — «высокий, чувствительный язык карамзинского времени»³⁷ соединяется со злободневной тематикой кавказской войны. Но война выглядит ненастоящей. В повести «Битва русских с кабардинцами или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга» Н.И. Зряхова герой — Андрей Победоносцев — также попадает в плен. Это проходной эпизод, вставленный по традиции для придания местного колорита. Вся стилистика повести является сказочной. В плену кабардинский князь не только не сажает героя на цепь и не держит в яме, а сразу же предлагает жениться на собственной дочери, как только Андрей перейдет в магометанство. Коран ему читает прекрасная дочь хозяина, влюбившаяся в русского. Зряхов создает персонажей, подобных героям лубочных рыцарских романов, описывает экзотическую обстановку и сохраняет непоколебимую уверенность в превосходстве православных царя и отечества над басурманами. Эта «русская повесть с военными маршами и хорами» выдержала 40 (!) переизданий (последнее в 1991 году) и породила многочисленные переделки и подражания.

Кавказ — тема, также чрезвычайно востребованная и в середине XIX века. М.А. Ливенцов, служивший в сороковые годы на Кавказе, пишет ряд повестей, под воздействием А.В. Дружинина. Среди них «Записки дамы, бывшей в плену у горцев» (1858). Начав писать в жанре физиологического очерка, сочувственно изображая нравы и быт кавказских горцев, Ливенцов в повести «Михако и Нино. Грузинская идиллия», опубликованной в «Библиотеке

36 Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т., т.2, — Там же, С. 41.

37 Щербина Н.Ф. Опыт о книге для народа.-- // «Отечественные записки». 1861. — № 2.

для чтения» (1852, т. 113), не удержался от идеализации и искажении реалий грузинской жизни и нравов. Происходило это от того, что автор, подражая «Полиньке Сакс» А.В. Дружинина, был увлечен женским вопросом и полемикой с романами Жорж Санд. Дружинин возлагал на него определенные надежды, призывая писать о том, что он хорошо знает. «Ваша специальность — в знании военного быта и кавказских нравов... Берите пример с Толстого и торопитесь — его военные рассказы имеют успех страшный»³⁸, — советовал ему А.В. Дружинин. М.А. Ливенцов, последовав этому совету, написал «Очерки кавказской жизни. Слово пленника» (1858) и ряд других произведений о Кавказе.

Русская литература, за исключением «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого, не героизировала благородных разбойников, русских братьев Карла Моора. Интересен в этом отношении роман Д.Л. Мордовцева «Кавказский герой», также посвященный Хаджи-Мурату. Он не сопоставим в художественном отношении с повестью Толстого, «сжатой эпопеей». Но двойственность в романе Мордовцева присутствует. Хотя герой развенчивался в конце, но некоторое авторское восхищение героем очевидно.

В массовой литературе и литературе для юношества Лидия Чарская создала пленительный образ княжны Джавахи, оказавшейся в плену чуждых ей обычаев пансиона для девочек в Петербурге после привольной жизни в отчем доме на Кавказе. Л.А. Чарская обращается к кавказскому материалу помимо серий о княжне Нине Джавахы во многих романах — «Газават», «Бичо-джан. Приключения кавказского мальчика».

В романе «Газават», в основе которого лежит мелодраматический сюжет — история молодого русского офицера, попавшего в плен и его друга, аманата — сына вождя восставших горцев, воспитанного в России и вернувшегося обратно в горы. Писательница с большим сочувствием рисует мятежных горцев и Шамиля. В первой трети романа (действие происходит в горах и кавказская война рисуется с точки зрения горцев), приводится большое количество иностранных слов, обозначающие местные реалии, особенности мусульманства — намаз, тарикат, абах-намаз и т.д. Характеристики героев однозначны и определены, что характерно для массовой литературы. Язык повести полон восточной цветистости, превосходящей «марлинизмы» первых повестей о Кавказе. В целом борьба горцев за свободу изображена весьма сочувственно.

В повести «Бичо-джан» описан один эпизод кавказской жизни — корыстный родственник похищает мальчика, единственного наследника князя, с тем, чтоб продать его на невольничьем рынке в Турции, а самому завладеть наследством. Но судьба героя устраивается чудесным и довольно немотивированным образом, и все кончается счастливо. В этой повести меньше кавказских реалий и само заглавие не соответствует кавказской обстановке родового замка князя. Слово «бичо» (именительный падеж — «бичи») звательный падеж, обращение, употребляется в городском просторечии,

38 . Письма к А.В. Дружинину. (1850 –1863). // Летописи государственного литературного музея, кн. IX, – М. 1948. – С. 172.

несколько пренебрежительно обозначая человека, (аналогично русскому «эй, пацан»), что вряд ли применимо к сыну владетельного князя. Кроме того «джан» — слово армянское. Эта неточность делает обстановку всей повести достаточно условной, чтобы не сказать, фальшивой. Подобные свойства характерны для многих «кавказских» сочинений массовой литературы рубежа XIX-XX веков.

В главе второй «Мотив границы и герои, перешедшие границу» рассматривается **мотив границы** в системе репрезентаций Грузии и Кавказа. В диссертации показано, что литература стремится преодолевать конфронтацию — следствие военных действий - между русскими и горцами. Здесь мы имеем широкий спектр позиций, от жесткого противопоставления «свои/чужие» до гуманистического представления об участниках событий на Кавказе, запечатленных в новых для литературы синкретических образах, связанных с территорией, подвергающейся воздействию обеих сторон. Кавказ как «далекий край», первоначально чужеродный России, постепенно становится еще одной составной частью империи. Этот мотив позволяет проследить процесс формирования средствами литературы пути интеграции Кавказа в общественном сознании.

В работе прослеживается, как в разные периоды в литературе XIX века отразились разнородные аспекты освещения Кавказа как территории — культурологический, фольклорный, географический.

Отдельное внимание в работе уделяется отражению Кавказа в фольклоре - его неприятия как территории врага.

Диссертация представляет узловые, стадияльные моменты восприятия Кавказа. В 1820 году А.С. Пушкин пишет брату: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях»³⁹. Но в конце двадцатых годов русские все еще смотрят на эту территорию как на место изгнания. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет, что военные находятся здесь, лишь подчиняясь дисциплине, а молодые чиновники мечтают получить вожеленный асессорский чин. Редкими исключениями, вроде редактора «Тифлисских ведомостей» П.С. Санковского, можно считать русских, любящих край своего нового проживания, сочувственно задумывающихся о будущем Грузии. Пушкин рассматривает Грузию и Кавказ с точки зрения цивилизационной, сравнивая реальное состояние культуры в русской провинции, в центре империи и на ее южных окраинах.

В конце тридцатых, по свидетельству М.Ю. Лермонтова, происходит более существенная интеграция. Специфический кавказский пейзаж, обстоятельства войны, формируют новый характер героев. Появляются новые этносы — представители местных, пограничных жителей. Для серии очерков «Наши» Лермонтов описывает тип «кавказца», — русского военного, вся жизнь которого связана с «кордоном», кавказской «линией», а затем выводит развернутый образ Максим Максимыча в «Герое нашего времени».

В конце сороковых, в период наместничества М.С. Воронцова, несмотря

39 Пушкин А.С. – Л.С. Пушкину 24 сентября 1820, Кишинев. // Пушкин А.С. Письма. – ПСС. : Т.Х. С.17.

на продолжающиеся военные действия, происходит существенная европеизация Кавказа, меняется характер его описания. В лирике Я.П.Полонского появляется «замиранный», городской Кавказ. В драматургии В.А. Соллогуба и Я.П. Полонского, этнографических очерках ряда авторов, меняется парадигма героев «из местных». Психологии, обычаям, образу жизни уделяется все более пристальное внимание. А в конце шестидесятых (вышло из печати в 1863 году) Л.Н. Толстой вводит в русскую литературу целый культурный пласт, возникший на границе с горцами — знакомит читателя краем казаков: частью Терской линии, по которой расположены гребенские станицы. Толстой отмечает, что живя между чеченцами, казаки «перероднились с ними» и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Изображение этого народа и отдельных судеб героев предшествует созданию романа-эпопеи «Война и мир», с которым его роднит эпическое начало.

Мотив приграничья, отъединенности казачьей станицы будет связан у Л.Н.Толстого с утопическими настроениями в отношении Кавказа. Толстому свойственно идеализировать образ жизни казачества с его общинными правилами. В записной книжке 13 апреля 1857 года Толстой заметил: «Будущность России казачество – свобода, равенство и обязательная военная служба каждого⁴⁰».

Параграф **первый** главы второй «Многоаспектность мотивики границы в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина».

Кавказ дан в исторической перспективе, Пушкин в «Путешествии в Арзрум» отражает последовательные изменения представлений об окраинных землях. Он дает описание Грузии и Армении. Кратко, но точно охарактеризованы природа, климат, история, тифлисские бани, манера пить вино и образец грузинской поэзии. Автор различает границу естественную и установленную. Он несколько раз упоминает слово «граница» - в связи с Волчьими Воротами, «на естественной границе Грузии». Затем, в Армении, указывает на невысокие горы, «естественную границу Карского пашалыка». И, наконец, знаменитое признание «Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; <...> Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России⁴¹».

Для Пушкина государственная граница сопоставима не только с «естественной границей», но и с границей библейской, с началом человеческой истории, поскольку летоисчисление в древнерусской традиции велось от Сотворения мира, от Всемирного потопа.

Сравнивая разные приграничные страны в «Путешествии в Арзрум», Пушкин отказывается от приемов романтических контрастов

40 Толстой Л.Н. Дневники и Записные книжки 1854-1857. // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 тт., – М. : «Художественная литература». т. 47, 1937. – С. 204

41 Там же, С. 857-858.

(естественное/искусственное) и прибегает к новой манере письма, основанной на триадах. Это и география/политика/библейстика. И широкие библейские ассоциаций, основанные на внутреннем противопоставлении христианства — язычеству — магометанству. Авторская интонация «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина лишена романтической избыточности, отличается строгостью и простотой зрелого письма, тонкой самоиронией. Структура текста представляет продуманное сочетание описаний военных действий с библейскими ассоциациями, что создает символический подтекст и придает произведению глубину.

Если в «Кавказском пленнике» на первом плане были проблемы «живописности» Кавказа, был важен нравственный и цивилизационный аспекты отношений России и Кавказа, то «Путешествие в Арзрум» пишет зрелый историк; и своеобразие исторических взглядов автора в том, что они напрямую связаны с христианским учением. К этому автор ведет читателя исподволь, как бы мимоходом.

Автор несколько отстраненно описывает несходство обычаев разных народов. Пушкина интересует связь религиозной и повседневной жизни. Тема сакрального последовательно проводится автором в отборе эпизодов⁴². В приложение к «Путешествию» Пушкин помещает очерк о верованиях курдской секты езидов.

В работе анализируется, как религиозность Пушкина 30-х годов связана с историософскими размышлениями поэта. В «Путешествии в Арзрум» следующей за этнографизмом стадией объяснения мира, «чужих» народов, становится религиозный аспект. Травелогу предшествует лирический кавказский цикл, со стихотворением «Монастырь на Казбеке» и стихотворением «Кавказ», где изменение авторской точки зрения соответствует дням творенья в книге Бытия.

Пушкин верит в цивилизаторскую миссию России. Изменение жизни на Кавказе может происходить не только в результате военных побед, а с помощью создания нового уровня жизни. «Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия»⁴³.

В диссертации оспаривается точка зрения современного исследователя Н.В.Маркелова, (автора книги «А.С. Пушкин и Северный Кавказ»), что «в первой главе «Путешествия в Арзрум» поэт набросал конспективный план покорения Кавказа, высказав сначала стратегически разумные соображения о перекрытии кислорода, а окончив, увы, наивными прожектками о пользе самовара и христианских проповедей»⁴⁴. [Подчеркнуто нами — И.Б.-М.]. Эта глубоко продуманная пушкинская программа, венчающаяся проповедью

42 Багратион-Мухранели И.Л. Библейский пласт «Путешествия в Арзрум» А.С.Пушкина. //XI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. – М., Издательство ПСТБИ, 2001. – С.342-348.

43 Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум. // Пушкин А.С. ПСС, Т. IX. С.648.

44 Маркелов Н.В. А.С.Пушкин и Северный Кавказ. – М.: Гелиос, АРВ, 2004. – С. 166.

Евангелия, до сих пор не осознается как его взгляд на основание конкретной политики. Невозможно понять целостного восприятия Пушкиным кавказских проблем, если ограничиться только дипломатическими и экономическими аспектами отношений.

«Путешествие в Арзрум» характеризуется многоаспектностью мотивики границы. На смену романтическому контрасту (свой/ чужие), (естественное/ искусственное) у Пушкина приходят триады, которые позволяют сохранить романтические стереотипы, но также показать, что представляют собой основные концепты Востока, такие как *гарем*, *восточная роскошь*, и т. д. По-новому описывает Пушкин и сам ход военных действий, идущий за расширение границ Империи.

Динамика «своего» и «чужого» начинает разрабатываться в литературе в связи с мотивом границы. Ритуал перехода⁴⁵, которому культурная антропология придает большое значение при анализе культуры и ее самоидентификации, интуитивно был представлен в русской романтической поэме, где возникал ряд персонажей, «отложившихся» от родины, порвавших со своим социумом и перешедших на противоположную сторону. Горцы, вошедшие в соприкосновение с русской культурой, переходящие границу, поступающие на российскую службу, меняющие веру, делают это, открывая для себя новые ценности. Обратный переход — бегство русского в горы (незавершенная повесть «Беглец») — обдумывал Л.Н. Толстой при работе над «Кавказами».

Параграф **второй** второй главы «Полярность кавказского мира в фольклоре» посвящен наиболее острому неприятию горцев. В диссертации показано, что Другой приравнивается к Чужому. Отношение к кавказцам только как к врагам, содержится в фольклоре, обладающем наиболее устойчивой картиной мира, исторических песнях солдатского фольклора, посвященных Кавказской войне. Территория по ту сторону, за границей — не существует. Экзистенциальная напряженность жизни диктует прямые противопоставления: свой=справедливые, храбрые, стойкие; чужие=коварные, неправые, басурмане.

Архаическое сознание в кавказскую войну начинает получать в фольклоре некоторые новые черты. Распространение песенников меняет картину солдатского фольклора 40-х годов. Происходит более интенсивный обмен между казачьими полками, зачастую более ранние песни переадресуются, привязываются к событиям кавказской войны. Свойственная фольклору устойчивость инварианта сохранялась и по отношению к временной трансформации, частичной замене деталей, ради актуализации содержания во многих кавказских исторических песнях. Например, в песне «Поединок казака с черкесом», турок предшествующих войн был заменен на черкеса. Контаминации, заимствование «чужих сюжетов» и последующие переделки мотивов, характерны для многих фольклорных произведений. Песня «Генерал Слепцов ранен» (командующий Сунженского казачьего полка) восходит к

45 Имеются в виду работы франко-бельгийского фольклориста Арнольда ван Генепа A. van Gennep. Rites de passage, — Р, 1909 и американского антрополога Виктора Тэрнера. Тэрнер В. Символ и ритуал. — М, «Наука», 1983.

песне о ранении Суворова. Существует целая группа исторических песен «на смерть генерала».

Обращаясь к фольклору с его устойчивостью лексических формул и представлений, прослеживается стабильность образа врага на Кавказе. Мотив границы представлен эксплицитно, поскольку солдаты защищают землю, которая может стать территорией Российской империи. Они не вольны в выборе действий, подчиняясь дисциплине. Мотив границы оказывается связан с мотивом плена военной жизни. Концептосфера Кавказа в фольклоре имеет двухполюсную структуру Свой/Чужой.

Параграф **третий** главы второй «Кавказ как территория войны в творчестве писателей-военных. А.И. Полежаев и начало деромантизации Кавказа» посвящен деконструкции складывающегося кавказского мифа.

Мотив границы здесь выражен не явно. Тем не менее, репрезентация Кавказа получает чрезвычайно яркое воплощение. Война меняет границы устойчивого мира. Постоянная угроза существованию пронизывает приграничье особым экзистенциальным напряжением. Литературу отличает желание описать события целостно. У А.И. Полежаева, А.А. Бестужев-Марлинского, которые в качестве солдат принимали участие в Кавказской войне, взгляды были двойственными. В диссертации показано, что с одной стороны, их сочинения отличали коллективное противопоставление «наших» и «не-наших». С другой — личностное, авторское начало, неподдельный интерес к народам, с которыми Россия вела войну на Кавказе. Враги осознавались как Другие, но их храбрости и верности своей земле и законам, воздавалось должное. «Русь, зачем воюешь ты / Вековые высоты?»⁴⁶ - спрашивал Грибоедов в стихотворении «Хищники на Чегеме», написанном от лица черкесов, (напавших 29 сентября на станицу Солдатскую 29 сентября 1825 года). Бестужев пишет «Песнь, обреченных на смерть горцев» («Слава нам! Смерть врагу!») от лица противника.

События, связанные с отстаиванием своей земли, соотношением «своего» и «чужого» выстраиваются путем реструктуризации семиотического поля мотива границы.

Особое место в этом ряду занимают тексты А. И. Полежаева. Кавказ в его поэмах и стихах предстает во многом «разволшебственным» (выражение В.Б. Мириманова). Солдаты — это «чернорабочие войны», идущие туда, «куда ведет их барабан». А. Полежаев с 1831 года участвовал в серьезных битвах при Эрпели и Чир-Юрте, что нашло отражение в его поэмах и стихах. На смену идеальным красотам приходят ужасы войны, свидетелем которых поэт становится. В диссертации показано, что в его творчестве получает воплощение смертельный код Кавказа. В стихотворении «Черная коса», А.И.Полежаев описывает окровавленную косу черкшенки, а в стихотворении «Мертвая голова» рисует голову горца на копье. В той же поэме «Эрпели» Полежаев объясняет ситуацию, из которой ему видится Кавказ: «Вот эти дивные картины:

46 Грибоедов А.С. Хищники на Чегеме. // Грибоедов А.С. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1988, С.342.

/ Каскады, горы и стремнины... / С окаменелою душой, / Убитый горестною долей, / На них смотрю я поневоле / И, верь мне, вижу из всего / Уродство — больше ничего!»⁴⁷.

В работе показано, что Полежаев сочетает сниженную, почти очерковую репортажность в описании войны с традиционной военной риторикой— «перуны тысячи громов», выстрелы артиллерийских орудий. В «Герменчукском кладбище» Полежаев дает новый аспект мифа о Кавказе. Он связывает его с темой могил, и темой чужбины, поскольку пишет не только о могилах горцев, но и о могилах русских солдат на чужбине. Мортальная тема на Кавказе будет обладать значительным потенциалом нациомоделирования. Ее будут разрабатывать Бестужев-Марлинский («Он был убит»), Лермонтов («Спеша на Север издалека», «Памяти Одоевского», «Сон»). Полежаева в какой-то степени можно считать их предшественником.

Параграф **четвертый** главы второй «Между журналистикой и литературой. «Письма из Дербента» А.А. Бестужева-Марлинского». Формированию представлений о Другом способствовала не только художественная литература и фольклор. В диссертации показано, что «Письма из Дербента» занимают промежуточное место между литературой и журналистикой. Они строго разделены по месту событий и времени написания. Однако Бестужев подчеркивает их не документальный, а литературно-художественный характер. Политическая концепция автора совпадает с официальной точкой зрения. Автор не знает промедленья, сомнений, сожалений. Бестужев описывает героизм и напряжение войны, прибегая к преувеличениям, создавая своего рода миф, сопрягая его с историей. Обращение к фольклору, создание ярких, маркированных образов говорит о проявлении у Бестужева мифологического мышления. И оно может быть истолковано как бессознательное устойчивое отрицание смерти, природной смертности человека. Именно так описывают мифологическое сознание некоторые современные исследователи.⁴⁸

Процесс мифотворчества распространялся на биографию писателя. Офицер-декабрист, разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ, был настоящим героем, кумиром своего поколения⁴⁹. Его описания Кавказа определили представления нескольких поколений читателей. Непосредственным подражателем Бестужева выступил П.П. Каменский, автор ряда повестей. Повести эти, подсказанные службой на Кавказе автора, были замечены критикой. Но Белинский, утверждая принципы натуральной школы и борясь с линией постромантизма Бестужева-Марлинского, оценивал их крайне негативно, называя пародиями на Бестужева, причем пародиями,

47 Полежаев А.И. Эпели, // Полежаев А.И. Стихи и поэмы. — Л., Бпбс. 1987,— С.269

48 Кассирер Э. Избранное. Эссе о человеке. — М.: Гардарика, 1998. — С.538, 597.

49 И.С.Тургенев признавался в письме к Л.Н.Толстому, что «целовал имя Марлинского на журнальных обложках. Переписка И.С.Тургенева в 2 -х т. Редактор Тюнькин К.И.,-- М., — т.2, С.118.М.Ю. Лермонтов рисовал героев кавказской повести «Аммалат-бек», А. Дюма, после путешествия на Кавказ в 1857 году, сделал перевод этой повести на французский под названием «Султанетта». «В «Казаках» Л.Н. Толстого главный герой, Оленин, приезжает на Кавказ под влиянием творчества Марлинского, как наверное, и сам Толстой», — пишет современный американский исследователь Мерсеро. Mersereau J.Jr. Russian Romantic Fiction. — Ann Arbor. Mich. 1983, p. 121

утрировавшими слабости оригинала.

Пятый параграф главы второй - «Граница между войной и миром на Кавказе в творчестве Лермонтова».

В диссертации акцентируется, что трансформация и развертывание событий на Кавказе наиболее полно представлены в творчестве Лермонтова. Оно разнообразно и в плане мотивики – мотив плена, границы, мотив Кавказа как потерянного рая; и в плане новаторского описания военных действий, («Валерик»); и в плане создания мотива приграничных жителей — Максим Максимыч, очерк «Кавказец»; и в лирике изображения кавказской войны.

Отличие концепта кавказской войны М.Ю.Лермонтова от таковых у А.А.Бестужева-Марлинского и А.И.Полежаева, находит выражение в репрезентации его стилистическими средствами, далекими от риторических вставок и фольклорных формул. В стихотворении «Валерик» Лермонтов использует жанр — письма. В работе демонстрируется новаторская, парадоксальная контаминация любовного послания и военной реляции. Донесения с поля боя, адресовано не штабному начальству, а светской женщине. Разговорная интонация продиктована лирическими чувствами, которые перемежают описание боя, репрезентированное просто и безыскусно. Ряд картин передает нарастание и динамику сражения, которое Лермонтов определяет как «трагический балет»⁵⁰. Формируя концепты/ микроконцепты концептосферы русского Кавказа Лермонтов обращается к маркированному в армейской среде слову «балет». В военной среде оно было знаковым, поскольку в русской армии существовали две военные доктрины. Одна была ориентирована на парад, фрунт, демонстрацию военной мощи и любование ей в мирное время, другая — на сражение, бой, защиту Отечества. Одна считалась «прусской», другая — национально-русской. Одна исходила из военного артикула и предписаний, исполнения определенной роли, возложенной чином и должностью, другая ориентировалась на личную инициативу и храбрость, которые нужно было проявлять во время боя. Вторая предоставляла военному свободу действий, поощряла предприимчивость, возможность самому исполнить свою историческую роль, самому формировать свою судьбу. Актуализация этих концептов, деконструкция первого и репрезентация через неприятие слова «балет» второго концепта, продолжала развитие новаторства батальной лирики Лермонтова, окажет в дальнейшем решительное воздействие на изображение войны Л.Н.Толстым.

В диссертации демонстрируется разнообразие в репрезентации М.Ю.Лермонтовым ситуаций сражения и мира. Небольшой очерк «Кавказец» был написан предположительно в 1841 году для сборника «Наши, описанные с натуры русскими». Сборники эти, издаваемые А.П. Башуцким, представляли серию физиологических очерков. «Кавказец» близок образу Максима Максимыча из «Героя нашего времени» и «Бэлы». Тенденция мифологизации, способная одновременно отразить целостный и динамический характер процесса становления национального дискурса, реализуются и в лирике и в

50 Лермонтов М.Ю. Валерик. – Том II. – Там же, С.169.

прозе. В прозе Лермонтова происходит переход к реалистическому изображению кавказской войны. Мотив физической границы, которая возникает в результате присоединения новых земель, будет полно и по-новому разрабатываться Л.Н. Толстым в «Казаках».

Особое значение **мотив перехода границы** приобретает в поэме «Измаил-Бей» М. Ю. Лермонтова и «Рассказ лезгинца Асана» В. И. Даля». Об этом речь идет в параграфе **шестом**.

Герой лермонтовской поэмы Измаил-Бей — одинокий, загадочный странник, возвращающийся на родину. Ему предсостит решать проблему личной идентификации. От первичной национализации Измаил-Бей отделен эмигрантским пограничьем. Но с первой же сцены, в которой появляется герой (убийство казака), автор вводит тему ненависти к новой родине — России, борьбы с ней и мщенья. В диссертации рассматривается многогранность героя, испытывающего любовь к родине, ненависть к ее угнетателям и невозможность ответить на любовь дочери лезгина. Эта двойственность героев Лермонтова связана с их парадоксальной рефлексивной природой, архетипической памятью, которая удерживает личность в духовном пространстве традиции. В русской литературе сороковых годов XIX века роковое столкновение страстей уступит место более спокойному рассказу о герое, чья судьба также будет связана с мотивом перехода, переменой веры и судьбы.

Мотив этот к 1840-м годам перестает отличаться новизной и начинает осваиваться литературой массовой, литературой для народа. Этнографические очерки В.И. Даля, и, в том числе, «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих», стоят на границе между «классикой» и «беллетристикой». С одной стороны — привычные для читателя литературы о Кавказе мотивы «воинственного разбоя», плена, любви «девы гор» к герою — благородному мстителю — защитнику бедняков, кочующие из одного произведения в другое. С другой — новый характер наррации, точность и простота изложения в описании экзотического быта представителей разных этносов, отсутствие романтических преувеличений. Даль, проводя героя через ряд приключений, показав его несущим солдатскую службу, изображает принципиально новый поворот судьбы героя. После того, как его не берут в гвардию, Асан бежит из плена воинской неволи. Это повторное бегство — не просто уход от мира, а преодоление новых, искусственно созданных границ. В.И. Даль рисует комплекс имагологических моделей — превращение изначально Чужого Другого, в Своего Другого.

В диссертации рассматриваются также «Персонажи, отвергающие духовные границы». Мотив границы порождает еще один тип героя, прочно связанный с Кавказом. Мир как тюрьма характерна для мировосприятия романтиков. Томление по идеалу, по небесной отчизне, делают расширительным понимание неволи, как всего, что требует ограничений. У романтического героя стремление к бесконечному, зачастую приводит к богоборчеству. Демон и Мцыри — герои, отвергающие любые границы, и таких героев Лермонтов помещает на Кавказе, актуализируя библейские ассоциации и мотив свободы/плена. В мифологическом восприятии современников

Кавказские горы были местом наказания Прометея. В поэме «Демон» в 7 и 8 редакциях поэт перемещает сюда место действия, отказавшись от прежних вариантов (Испании).

Отсутствие границ - это возможность существования демонической личности на Кавказе, которая представлена Лермонтовым в «Герое нашего времени», хотя Лермонтов сосредоточен на автопсихологической прозе, мотив границы — физической и духовной - пронизывает атмосферу действия, определяет ситуации и поведение героев. В диссертации проанализированы сложность и парадоксальность поступков Печорина, которые связаны с его индивидуализмом и, одновременно, с обращенностью к ближнему, когда герой отрицает свою и чужую позиции, уравнивая их.

Печорин испытывает себя, постоянно существуя в пограничных ситуациях, стремится через них приобщаться к экзистенциальному опыту. «Он и обретается на границе между разными мирами, не принадлежа ни одному из них и ни с одним из них себя не идентифицируя. Граница, будучи «местом перехода», и есть подлинное место существования героя в романе, переход же служит его (существования) пространственной формой⁵¹», - пишет В.Ш.Кривонос, анализируя пустоты в нарративной структуре «Героя нашего времени», мотивы границы и перехода. Печорин не только способен совмещать в себе несовместимые культурные модели. Он стремится совмещать и несовместимые пространственные модели: модель пути и модель перехода. «В лермонтовском романе путь и переход полярны, как полярны человек пути и человек перехода. Но именно переход, а не путь, является пространственной формой существования героя, которому было «назначение высокое», однако, по его собственному признанию, он это высокое назначение «не угадал»⁵².

В работе делается вывод о том, что «лермонтовский человек» находится не просто в эпическом пространстве, а в пограничьи, на линии военных действий, которые усиливают напряженный характер его существования. И контрастом к нему становятся остальные персонажи — «водяное общество», но в первую очередь — Максим Максимыч. Глазами этого «настоящего кавказца» Лермонтов рисует ситуацию поликультурности Кавказа.

Штабс-капитан Максим Максимыч — носитель традиционного отношения русских военных к горцам: «Ужасные бестии эти азияты!.. Ужасные плуты!.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников: увидите, они еще с вас возьмут на водку. <...> осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались. // Ведь этакой народ! — сказал он, — и хлеба по русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары, по мне лучше: те хоть непьющие...»⁵³. Высказываясь о различных народах Кавказа, с которыми ему пришлось общаться, Максим Максимыч различает осетин, чеченцев, татар.

51 Кривонос В.Ш. «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова: два сюжета. // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. Вып. 12. – С. 83

52 Там же. С.86-87.

53 Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени... Там же. Т.VI. С. 205.

Хотя «татарами», т.е. «Другими», русские называли собирательно многие народности. Лермонтов чрезвычайно внимательно изучает их своеобразие и различия и монолог Максима Максимыча демонстрирует такие имагологические модели как Чужой Другой, Другой и Свой Другой.

Седьмой параграф главы второй «Свои/чужие» в «Казаках» Л.Н.Толстого».

Параграф посвящен анализу основных компонентов мотивной структуры в изображении границы в «Казаках» Л.Н. Толстого, поскольку наибольший вклад в создание образа границы империи на Кавказе внесен писателем именно в повести «Казаки». Художественная интуиция писателя позволяет воссоздать не только лингвистически точное описание языка казачьей станицы, особенности их «наречия». Исследование раскрывает широкую панораму современных Толстому культурных кодов, относительность восприятия пространства и времени, этикетные и индивидуальные проявления вербальной коммуникации героев. Проблема идентичности русского сознания представлена через мировосприятие призмы культуры.

В диссертации рассматривается задача, которую ставит перед собой писатель во всей сложности. Толстой сохраняет яркость красок Кавказа, но рассказывает не о горцах Других, а о Своих Других – русских жителях приграничных мест, перемешавшихся с местным населением, вобравших черты различных этносов. Казаки находятся (по терминологии В. Тернера) в стадии ритуала перехода – от архаических русских традиций к современным, от замкнутых горских обычаев, ритуалов, одежды – к общеимперским. Эти явления проанализированы в работе.

Если у alter ego автора Оленина казаки вызывают острый интерес и восхищение цельностью и инаковостью своего бытия, в повести находим и противоположный взгляд на казаков. С точки зрения пехотного полка казаки «не русские», едва ли не раскольники. Казаки с точки зрения слуги Оленина Ванюши «Даром что христиане считаются. На что татарин, и тот благородней⁵⁴». Позже мысль о том, что «татарин» (мусульманин) благородней казака Толстой повторит в «Хаджи-Мурате». Динамика воплощения модели Другого представлена в этом разделе. Л.Н.Толстой находится во внутренней полемике с романтическим изображением Кавказа А.А.Бестужевым-Марлинским, отказывается от изображения мотива плена, меняя его на мотив границы.

В третьей главе рассмотрен «Мотив чудесного исцеления на Кавказе».

Одним из способов репрезентации Кавказа является изображение Воображаемого Другого. Ужасы и тяготы непрекращающейся войны на Кавказе требовали представления противоположных, положительных начал. Мотив чудесного исцеления явился обратной стороной, продолжением мотива границы и мотива плена в репрезентации Кавказа. Их место занимает идиллический хронотоп.

54 Толстой Л.Н. Казаки. // Собрание сочинений в двадцати двух томах, Т. 3, Повести и рассказы. 1857-1863. – М.: «Художественная литература», 1979ю – С. 190.

Целебные источники Кавказских минеральных вод становятся местом действия ряда произведений русской литературы, развивающих темы «водяной литературы», получившей распространение после романа Вальтер Скотта «Сент-Ронанские воды». Курортный роман, описывающий «водяное общество», составившееся случайно, позволял показать людей самых разных сословий, сводил вместе прихотливые характеры и типы, продолжая тему свободы в связи с кавказским ландшафтом. Особый топос романов этого типа — не столица и не провинция в чистом виде, что позволяет говорить об особом пространстве водяных романов, которые А.Ю. Сорочан⁵⁵ относит к курортному тексту литературной провинции.

В параграфе **первом** главы **третьей** рассматривается «Начальный этап эволюции кавказской «водяной литературы».

В работе отмечается роль неоконченного произведения Пушкина замысел «Романа на Кавказских водах», который он задумал в сентябре 1831 года, после второго посещения курорта, когда поэт прожил два месяца на водах. Автор, опираясь на реконструкции Н.В. Измайлова⁵⁶ и С.М. Бонди, проанализировавших сохранившиеся черновики, отмечает, что обстоятельства жизни на Кавказе учитывались в большой степени. Развлечения светского общества, балы, карты, гулянья, рядом с военными действиями, набегам горцев, грабежами, похищениями горцами представляли пеструю картину «водяного общества». Пушкин наметил роспись прототипов будущих героев среди своих знакомых. Как отмечает С.М. Бонди, замысел связан с сюжетами и героями пушкинской прозы. «Если Якубович «Романа на Кавказских водах» до известной степени является вариацией таинственного и мрачного Сильвио из «Выстрела», то, в свою очередь, основные положения были повторены в следующем по времени прозаическом произведении Пушкина — «Капитанская дочка», где Швабрин воспринял черты «злодея» Якубовича, а Гринев напоминает скромного, но храброго и верного «влюбленного офицера», кстати, передавшего ему с некоторым изменением и свою фамилию — Гранев⁵⁷». Таким образом мотив границы был связан с различными аспектами «водной литературы» - мотивом похищения /плена, светской повестью на Кавказе. Переплетение Своих, Других, Чужих представляло бы различные грани самоидентификации и нациомоделирования, способствовало созданию новых национальных мифов. Последнее было осуществлено М.Ю. Лермонтовым в «Герое нашего времени».

Параграф **второй** главы **третьей** озаглавлен «Исцеляющий Кавказ А.С. Пушкина». Здесь анализируются «кавказские» образы в поэтических текстах Пушкина, рассматривается мотив «духовного исцеления», тесно связанный с эволюцией кавказского текста. В тридцатые годы размышления об историко-политической роли «ужасного края чудес» не затмевают его лирико-

55 Сорочан А.Ю. «Курортный текст» литературной провинции. Курорт в русской культуре/ – Тверь, Изд. Марины Ботасовой, 2010.

56 Измайлов Н.В. «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина. // Н.В.Измайлов. Очерки творчества Пушкина. – Л, ЛО «Наука», 1975 – С. 208-209.

57 Бонди С.М. «Роман на Кавказских водах». // Путеводитель по Пушкину. – Санкт-Петербург, Гуманитарное издательство «Академический проект», 1997, – С. 338-339.

эстетического восприятия. Мысли и лирические чувства поэта находят неожиданный ракурс, не лежащий на поверхности, передаются опосредованно.

В диссертации обращено внимание на то, что концепт розы, во времена Пушкина уже обрел устойчивую форму («соловой и роза»), сложился канон своего рода «восточной элегии». Но впервые обращено внимание на то, как в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкин приводит описание розы, заимствованное у современника - грузинского поэта Д. Туманишвили. «Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. / Не хочу обладать миром: хочу твоего взора. / От тебя ожидаю жизни»⁵⁸. Исследователь считает, что здесь актуализируются лирические интенции самого А.С. Пушкина.

Дмитрий Туманишвили принадлежал к грузинской эмиграции второй волны и значительная часть его лирики написаны в жанре мухамбази, близком к анакреонтике. Большинство исследователей сходится на том, что стихотворение «Ахал агнаго» было написано в Петербурге в конце десятих годов (Туманишвили умер в 1821 году). Дать ответ, почему именно это стихотворение Пушкин выбрал из всей грузинской поэзии, представление о которой было достаточно репрезентативным во время написания «Путешествия в Арзрум» - сложно. Мы делаем предположение, что А.С. Пушкин был знаком с этими стихами еще до приезда в Тифлис и они как-то были связаны с его юностью.

Обращает внимание близость мотива возвращения чувства, жизни, любви, «На холмах Грузии», обращение к возлюбленной — эти мотивы роднят стихотворения Пушкина, возникавшие ранее («К***»: «Душе настало пробужденье...»), со стихами Д. Туманишвили — «От тебя, бессмертная, ожидаю жизни».

Мотив Кавказа, места, дарующего обновление и жизнь, повторен в описании Арарата. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана⁵⁹ и голубицу излетающих, символы казни и примирения»⁶⁰ (подчеркнуто нами — И.Б.-М.).

А.С. Пушкин продолжает относиться к «новому Парнасу», так, как в юности — как к источнику обновления. Но в тридцатые годы он видит Кавказ и как источник исцеления духовного (Кавказ библейский) и как возможность поправки здоровья в обустроенных серных ключах, дальнейшего развития края (Кавказ имперский).

В **третьем параграфе** главы **третьей** рассматривается «Утопия М.Ю. Лермонтова. Кавказ как потерянный рай».

Парадоксально, что сосланный в действующую армию М.Ю. Лермонтов больше всех русских писателей искал возможность чудесного исцеления на Кавказе. Он искал здесь потерянный рай. В силу биографических обстоятельств Кавказ был связан с памятью умершей матери, и для поэта означал встречу с

58 Там же, 662.

59 Мурьянов М. Ф. в книге «Из символов и аллегорий Пушкина» подробно рассматривает пушкинское видение символики Ноевых врана и голубицы. — М., «Наследие», , 1996, — С. 36-43.

60 Пушкин А.С., Там же, Т. 8, — С. 670.

детскими воспоминаниями. И, наконец, в слиянии с природой Кавказа М.Ю. Лермонтов искал космическую гармонию. Этими чувствами освящены и лирика, и проза М.Ю. Лермонтова. В диссертации отмечается, что в произведениях Лермонтова с точки зрения мотивной структуры, в частности мотива чудесного исцеления, большинство героев, особенно персонажи, «перешедшие границу» и отличающиеся богоборческим пафосом, терпят неудачу в любви.

Молодой монах, горец, герой «Мцыри» — делает попытку бежать не просто из монастыря — на родину, в мир. Он пытается бежать в прошлое, в мир идеального прошлого, мир своего детства. И автор, выстроив всю поэму в виде монолога главного героя, позволяет ему найти это идеальное пространство. В диссертации отмечается, что пространство поэмы строится на оппозиции пространства воображаемого/ реального.

Наиболее полной формой воображаемого Кавказа становится образ родины героя поэмы «Мцыри». В начале поэмы Лермонтов предваряет его историческим вступлением, сопоставимым с эпилогом «Кавказского пленника» А.С.Пушкина.

Воображаемое пространство — родина, к которой герой относится с пламенной любовью. Это его прародина, край, где он жил в семье, в гармонии с природой. Для М.Ю. Лермонтова и для героя, Кавказ — это потерянный в детстве рай и идеализированный всеми красками его могучей фантазии. В аспекте нациомоделирования, мало что может быть поставлено в один ряд с этими строками М.Ю. Лермонтова о любви к родине. Автор, словами героя рисует, чем является родина для человека в ее общечеловеческом, высшем, очищенном от земных тягот смысле. Мифологическое начало переплетается с историческим. Вопрос, стала ли благом жизнь в монастыре для героя после того, как он попал к русским — остается открытым. Во всяком случае, он умирает, придя к истинно христианскому благословению всего живого. М.Ю. Лермонтов тонко чувствует, что вопрос христианизации горцев не решается однозначно, как абсолютное благо. Конфессиональный вопрос, который так и не удалось решить успешно, в Российской империи стоял очень остро. Ошибки заключались в изначальном идеологическом посыле.

В 1832 году историк М.П. Погодин, чьи труды, лежали в основании теории «официальной народности», в работе «Взгляд на русскую историю» утверждал, что Россия представляла государство единое в этническом и религиозном отношении: «Занимая такое пространство, какого не занимала ни одна монархия в свете, ни македонская, ни римская, ни аравийская, ни франкская, ни монгольская, она заселена преимущественно племенами, которые говорят одним языком, имеют следовательно один образ мыслей, исповедуют одну веру, и, как кольца электрической цепи, потрясаются внезапно от единого соприкосновения, между тем как все предшествовавшие состояли из племен разноречивых, которые не понимали, ненавидели друг друга, и были соединяемы временно, силой оружия, или другими слабейшими связями, под

влиянием какого-нибудь могущественного гения⁶¹». Эти вопросы, переплетающиеся с вопросами внутренней колонизации, политикой империи, остро и объективно ставили русские писатели, церковные и светские. Укреплять единство можно было, опираясь на единство православия или на экономические решения проблем.

В **четвертой** главе рассмотрен «Мотив культурного миротворчества».

Впервые в настоящей работе, при рассмотрении литературы о Грузии и Кавказе, в нее включен раздел, посвященный церковной литературе. Автор исходит из положения о том, что различные аспекты взаимодействия России и Кавказа нельзя сводить только к экономическому сотрудничеству или военному противостоянию. Большую роль играет мотив культурного миротворчества, как церковного, так и светского.

В работе рассматривается концепт единства русского и грузинского православия, которое основывалось на полном богословском соответствии церквей-сестер. Как показано в диссертации, наиболее заинтересованные русские церковные деятели — митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Филарет Московский (Дроздов), А.Н. Муравьев интересовались богатой агиографической и историко-церковной литературой Грузии. Это был целый пласт церковной литературы, включавший жития раннехристианских святых грузинской церкви — Грузия приняла христианство в 326 году, — материалы связи Грузии с Византией. И эти материалы к середине XIX века осваиваются русскими церковными писателями, без чего нельзя правильно представлять национальную самоидентификацию русских.

Первый параграф главы **четвертой** — «Мотив просветительства в церковной литературе. А.Н.Муравьев. М.П.Сабинин». В нем рассматривается взаимоотношение русской и грузинской церквей. Выдающемуся церковному деятелю Досифею Пирцхелаури, архимандриту Александро-Невской Лавры в Петербурге, принадлежит один из первых очерков грузинской церкви на русском, появившихся в 1840 году. Тогда же Д.И. Чубинашвили становится переводчиком царской семьи и также способствует распространению знаний о грузинской церкви. Постепенно происходит становление грузиноведения в России. Платон Иоселиани с 1838 года начинает разбирать материалы из истории Грузии, т.н. «гуджары» и издает, среди прочего, «Краткую историю грузинской церкви». В Москве он издает «Жития святых грузинской церкви» 1850, тогда же «Жизнеописание святых, прославляемых Православною Грузинскою Церковью» (Тифлис, 1850), начинают формироваться труды выдающегося кавказоведа Мари-Фелисите Броссе в Санкт-Петербурге. Характерное заглавие «Грузинская церковь — свидетельница Православия Русской Церкви» носит книга М.Цагарели, напечатанная в Санкт-Петербурге в 1848.

Такая же тенденция отличает и книгу замечательного церковного писателя, «церковного Карамзина»⁶² А.Н. Муравьева, прежде совершившего

61 Погодин М.П. Историко-критические отрывки в 2 тт. — т.1 — М., тип. А.Семенова, 1846. — С.2.

62 Имеются в виду «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина, с которых начинается становление русской прозы классического (пушкинского) периода.

паломничество в Святую землю⁶³, – травелог «Грузия и Армения»,

Наряду с этими трудами на русском языке появляется ряд агиографических изданий – «Месяцеслов Восточной церкви» 1856 протоиерея М. Вершинского, Славянский месяцеслов 1859 свящ. М.Мирошкина, издание Гатцука «Крестный календарь».

Существенной вехой в прославлении Святой Равноапостольной Нины становится труд Михаила Сабинина «Полное жизнеописание святых грузинской церкви», изданное в Санкт-Петербурге в 1871-1873 года. «*Ивериец Михаил. Сабинин*», как он подписывался, – грузин по национальности, Сабинашвили окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Его кандидатская диссертация была посвящена «Истории Грузинской Церкви до конца VI века», сочинение «Древние Акты Грузинской Церкви» было издано Императорской Академией Наук, а книга, посвященная грузинским святым рассказывала о просвещении Грузии апостолом Андреем и содержала «Житие и подвиги Святой Равноапостольной Нины, просветительницы Грузии».

Грандиозный труд А.Н.Муравьева – «Жития святых российской церкви, также иверских и славянских» в 12 томах был напечатан в 1855-59 годах. Здесь были представлены в хронологическом единстве календарного цикла святые всех православных поместных церквей и это было демонстрацией духовной общности разных в национально-исторической практике, но единых народов.

Параграф **второй** главы **четвертой** «Мирное присоединение Кавказа в эпоху наместничества М.С.Воронцова».

Материал, рассмотренный нами в аспекте литературной и социально-практической деятельности позволил прийти к выводам, что мотив культурного миротворчества главенствовал в этот период в литературе на Кавказе. В кругу соратников Воронцова много литераторов, среди них не только русские, оказавшиеся в Тифлисе в это время, Я.П.Полонский, В.А.Соллогуб, М.А.Ливенцов, но и пишущие по русски Н.Бердзенов, Р.Эристава и другие представители кавказской элиты. Помимо «Закавказского вестника» и газеты «Кавказ» издается литературно-художественный альманах «Зурна». Действия администрации, направленные на европеизацию края, способствуют созданию новой культурной ситуации — реставрируется кафедральный Сионский собор в Тифлисе, который расписывает Г.Г.Гагарин, дает спектакли итальянская опера, организуется спектакль на грузинском языке по пьесе Р. Эристави. Открывается заведение Св.Нины для девочек. Создаются материалы по истории Грузии и Кавказа. В.А. Соллогуб пишет биографию генерала Котляревского, историю русско-иранских и русско-турецких войн, ряд авторов публикуют очерки по этнографии Грузии и Кавказа. Их деятельность способствует закреплению образов Грузии и Кавказа как дружественных и населенных потенциальными сотрудниками, людьми.

Параграф **третий** главы **четвертой** «Мотив утопии в творчестве В.А.Соллогуба».

63 А.Н.Муравьев. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. – СПб. 1833. В написании этой книги большую помощь автору оказали митрополит Филарет и В.А.Жуковский, сочувственно отзывался А.С.Пушкин. Митрополит Филарет остается и в дальнейшем духовным наставником и соратником А.Н.Муравьева..

Значительной вехой на пути постижения русскими писателями Грузии является комедия В.Соллогуба «Ночь перед свадьбой или Грузия через тысячу лет», которая была написана специально для тифлисского зрителя. Особенно ярко это ощущается при сравнении этой комедии с другим произведением Соллогуба «Ночь в духане», «драматическим очерком закавказских нравов» в XV картинах, напечатанных в «Библиотеке для чтения» (1857, т. 145) где в комедии положений автор изображает «диких кавказцев», каких знал невзыскательный русский зритель. Тогда как в «Ночи перед свадьбой», автору удается создать оригинальную комедию-утопию, воплощающую мечты о просвещении края. В литературе о Кавказе утопия была способом преодолеть конфронтацию, встать над военными действиями и представить кавказский мир единым целым. Основы этого единства заключались в единстве грузинского и русского православия, в синкретизме фольклора, опираясь на которые В.А.Соллогуб создал комедию «Ночь перед свадьбой» и лирический шедевр «Тост» («Алаверды, Господь с тобою»).

Параграф **четвертый** главы **четвертой** «Городской, «замиранный» Кавказ Я.П. Полонского».

В диссертации рассматривается многогранность кавказских образов Я.П.Полонского. В лирике Я.П.Полонского получает репрезентацию новый для русского читателя, Кавказ, – городской («Прогулка по Тифлису»). Поэт отождествляет себя с грузинским народным сказителем-поэтом, называет сборник своих стихов «Сазандар» (Певец). Кроме того в кавказском творчестве Полонского меняется один из устойчивых этностереотипов – облик Девы Гор. Автор работы отмечает умение Полонского и в прозе – в женских образах – содержится попытка уйти от любования чертами экзотической туземки (Магдана «Тифлиссские сакли»), понять психологию героини. Но подлинным новаторством становится изображение Я.П.Полонским сильных, ярких женских образов - в трагедии «Дараджана, царица Имеретинская» и в лирике «Тамара и певец ее Шота Руставель», «Н.А.Грибоедова».

Автор исследования считает, что в работе над Образом Нины Чавчавадзе-Грибоедовой Я.П.Полонскому удалось создать новый гендерный тип грузинской женщины. В изображении Полонского это смиренномудрая, Духом величаящая Жена, созданная в традициях православия. Эта трансформация женского образа говорит о подлинном проникновении поэта в православную традицию, а не только психологию лично вдовы Грибоедова. Поэт акцентирует в ее образе своеобразие грузинской православной культуры, с его культом Святых жен — Равноапостольной Нины и Благоверной Царицы Тамары, единство духовных ценностей русской и грузинской православных культур.

Пятый параграф главы **четвертой** «Спор о провинциальной печати».

Вопросы развития Кавказа после окончания войн, переплетаются с вопросами внутренней колонизации, политикой империи. Их остро и объективно ставили русские писатели, не только церковные, но и светские. Единство империи, каких бы концепций государства не придерживались ее приверженцы — французской просветительской, исходящей из территориально-политического принципа и не учитывавшей этнической и

конфессиональной разницы, или же предлагавшейся немецкой философией этнокультурной общности моноэтнического государства, - не годились для Российской империи. Укреплять единство можно было, исходя из единства православия или же, развивая экономические составляющие.

Рассматривается деятельность Нико (Николая Яковлевича) Николадзе и спор с Д.Л. Мордовцевым о провинциальной печати, в ходе которой ставились вопросы о соотношении провинции, окраин империи и центра, ассимиляционный и «традиционалистский» пути развития. Национальные окраины не должны выступать региональным ответвлением имперской культуры, должны стремиться к самостоятельности. Программа мирного развития провинции, ее экономической независимости, предмет забот публициста. Начав свою деятельность с увлечения идеями и личностью Н.Г.Чернышевского, Николадзе вскоре начинает искать свой путь. Будучи исключен из Петербургского университета за революционную деятельность, Николадзе получает образование в Европе. Печатается в «Колоколе» А.И.Герцена, участвует в полемике с М.А.Бакуниным, и рядом деятелей русской и европейской эмиграции. В 1870 году Николадзе возвращается в Грузию, пишет по-русски, грузински, французски, начинает издавать ряд газет «Дроеба» - (Время), журнал «Кребули» (Сборник), первую частную газету в Грузии на русском языке «Тифлисский вестник» (1873) Печатает репортажи с русско-турецкой войны (1876 года) в европейских газетах, издает на русском журнал «Обозрение». Н.Я.Николадзе постоянно находится в центре русской литературной жизни. Его острые и блестящие по форме статьи семидесятых - девяностых годов точно диагностируют экономические и социальные проблемы, демонстрируют образ Грузии и Кавказа, включенные в русскую и европейскую культурно-политическую жизнь.

Шестой параграф главы **четвертой** «Крушение великой утопии в творчестве Л.Н.Толстого».

Сложность и богатство мотивной структуры отмечается при моделировании Л.Н.Толстым мифа о кавказском герое. В повести «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстой использует многие мотивные структуры — мотив плена, хотя герой является не русским в плену черкесов, а, наоборот, горцем у русских. Мотив несправедливого царя - и Николай, и Шамиль враждебны простым людям, своим подданным. Мотив трагической судьбы героя. И, конечно, осуждения войны, одинаково чуждой русскому солдату Авдееву и его противнику горцу Хаджи-Мурату. Толстой достигает в этом произведении подлинно эпического взгляда на жизнь, рисует Хаджи-Мурата как трагического героя, с полным пониманием обстоятельств его жизни и уважением к его особенностям и непохожести. Однако надежды писателя на то, что на Кавказе можно будет построить жизнь, близкую к его идеалам казачьей общины, которая придет на смену неправильно обустроенному государству, к моменту написания «Хаджи-Мурата» перестают быть актуальными. Кавказ, как особая часть империи, все больше теряет свой свободолюбивый уклад. Тем не менее, повесть «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого представляется в художественном отношении явлением столь выдающимся, что ее можно считать апофеозом в

понимании Кавказа и его жителей.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы об исключительной роли литературы XIX – начала XX веков в формировании российского самосознания, происходившей в условиях бюрократизации государства и ослабления религиозного понимания мира. Кавказский сверхтекст русской литературы отличается и от городских текстов (петербургский, московский, ташкентский) и от текстов провинциальных (провинция как место скуки или идиллии). Он является локальной культурной традицией, запечатлевшей взаимодействие образов мира – русского и кавказского. По типу социальной и символической коммуникации региона с центром, кавказский сверхтекст сопоставим с сибирским, активно разрабатываемым в последнее время⁶⁴. Благодаря применению мотивного анализа к произведениям на кавказскую тематику, в диссертации воссоздается динамика устойчивой картины восприятия образа «Другого» в русской культуре. На протяжении XIX века литература о Кавказе была оригинальна, разнообразна, обширна как в смысле тематическом, так и жанровом. Ода, романтическая поэма, письмо, путешествие, повесть, этнографический очерк, песня, сказка, драматическая поэма и комедия-утопия, лирические стихи самых разных жанров, агиографическая литература, литература научная и публицистика, фольклор, представляли Кавказ в русской литературе. Несколько основных мотивов, из которых складывалось представление о Кавказе и Грузии, были связаны с темой свободы, утопическим желанием представить эти земли как особую часть Российской империи, но Другую. Способы раскрытия этих проблем были принципиально новыми для развития русской литературы. Мотивы кавказского пленника, границы, чудесного исцеления и культурного миротворчества — динамическое воплощение кавказских тем получали в разные периоды разных авторов оригинальное воплощение, способствовали созданию оригинального нациомоделирования, представляя героев через комплекс имагологических моделей: Чужого Другого, Другого и Своего Другого.

Топос Кавказа получил символическую природу в русской литературе. К традиционной для древнерусской литературы характеристике — Кавказа Священного писания, Кавказа библейского, в XIX веке добавилось описание Кавказа имперского, земель, сложно и мучительно присоединяемых к Российской империи. Кавказская война, продолжавшая Взгляд русских писателей менялся от любования экзотической живописностью горских народов к глубокому пониманию внутренних проблем жизни новых подданных Российской империи. Мотив чудесного исцеления имел утопические корни, что повлекло за собой осознание Кавказа как потерянного рая. И, наконец, мотив культурного миротворчества, как церковного, так и светского, содержал прообраз гармоничного добрососедского сосуществования России и Кавказа.

64 Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX – XXI веков. – М.: изд «Флинта», «Наука». 2015.; Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С.27-35.; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: монография. Красноярск, 2010.

Наиболее ярко он проявлялся в отношении единой Грузии, которая исторически была более открыта к принятию Другого⁶⁵.

Проведенная в настоящем диссертационном исследовании систематизация и анализ материала позволило выявить общность мотивной структуры произведений разных жанров, стилей и авторов кавказского свертка русской литературы XIX-XX века, а также дало возможность утверждать, что целостный образ Грузии и Кавказа, любовно и щедро воссозданный поэзией, художественной прозой, публицистикой, низовой литературой, агиографией и фольклором является существенной частью русской классической культуры.

Диссертация включает 4 приложения и библиографию.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. «Другая жизнь и берег дальний...» Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе. Тверь: Изд. Марины Батасовой, 2014. 456 с.
2. Грузинский след в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». М.: URSS, 2014. 82 с.

Учебные пособия:

3. Грузинский фольклор. Программа специального курса. М, ИСАА МГУ. Центр Кавказа и Центральной Азии, 2003, 32 с.
4. Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А.С.Пушкина: В 2 т. М.: Московский учебник, 2005. Т. I. 512 с.; Т. II. 510 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Сила предания. Влияние грузинского экзархата РПЦ на русскую литературу XIX века. // Вестник МГУ им. Ломоносова. Серия 13. Востоковедение. Москва, 2008, № 4, С. 125-148.
2. Первый русский роман о Кавказе («Горские князья или Черный год» В.Т.Нарежного). // Филология и культура. Philology and Culture. Журнал Казанского Приволжского Федерального университета, Казань, 2012, № 4. С. 34-38.
3. Два Хаджи-Мурата (роман «Кавказский герой» Д.Л.Мордовцева и повесть «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого). //Известия Южного федерального университета. Филологические науки, Ростов-на Дону, 2012, № 4. С. 61-68 .
- 4.Способы связи с фольклором в комедии начала XIX века и начала XX века. Грибоедов. Эрдман. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, Вып. 7 (109), С. 7-12.

65 Во многих житиях грузинских православных святых, присутствует мотив «святых чужестранцев», иностранцев, принявших христианство и отдавших свою жизнь за новую веру и новую родину Грузию — мученики араб Або Тбилели (VIII в.), персы — Ражден (V в.) и Эвстати (VI в.), сирийцы Иоанн и Давид (VI в.), армянка Св. Шушаник (V в.), сама Равноапостольная Просветительница Грузии Нино (IV в.) была уроженкой Каппадокии — т. е. чужестранкой.

5. Кавказ как мифопорождающее пространство русской литературы. // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, Казань, 2011, № 2 (24), С. 137-141.
6. История и вымысел. Мотив «влюбленного беса» в поэмах Пушкина и Лермонтова. // Вестник Тверского Государственного университета. Серия. Филология. Выпуск 3, Тверь, 2013, № 10, С. 198-206.
7. Граф В.А.Соллогуб и Кавказ. // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, Нижний Новгород, 2012, № 5 (1), С. 312-317.
8. Мотив чудесного исцеления в «Путешествии в Арзрум» А.С.Пушкина. // Вестник Тверского Государственного университета, Тверь, 2013, № 32. Вып. 6, С. 160-168.
9. Сочинения Митрополита Евгения Болховитинова о Грузии. // Сибирский филологический журнал, Новосибирск, 2013. Вып. 4, С. 47-52.
10. «Языком высшей истины...» Отношение А.С.Пушкина к Евангелию в «Путешествии в Арзрум» // Евангельский текст русской литературы, Петрозаводск, 2013, Вып. XI, С. 165-172.
11. Русский Кавказ и американский юг.// Вестник УРАО, Москва, 2013, № 3. С. 86-91
12. Кавказ как утопия русской классической литературы. // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. Томск, 2014, № 9 (150), С. 83-89
13. Кавказский подтекст диалога Мандельштама с вождем. Истоки концепта «кремлевский горец». // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2015, № 1, С. 51-60.
14. Массовая литература о Кавказе в XIX веке. //Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону, 2014, № 4, С. 26-35.
15. Иллюзия и утопия в комедии В.Соллогуба «Ночь перед свадьбой или Грузия через тысячу лет». // Вестник Томского Государственного педагогического университета. Томск, 2014, № 11, С.30-36
16. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я.П.Полонского. // Вестник ГАСК, Москва, 2015, № 1, С.101-109.
17. Европеизация Грузии и Кавказа в XIX веке и национальная самобытность // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета Филология и культура. Казань, 2015, № 3, С. 151-156.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

18. К проблеме русско-грузинских церковных отношениях. // Этноконфессиональные конфликты в Европе и на постсоветском пространстве. Учреждение Российской Академии Наук Институт Европы РАН. М, Соверопринт, 2010, С. 138-149.
19. Формирование мифа о Кавказе. //VIII Сургучевские чтения: Векторы духовности в русской литературе и журналистике XX-XXI вв. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь. СГУ, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 2011, С. 220-222.

20. Кавказский миф русской классической литературы. Этапы и тенденции развития. // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и литературе. // «Россия — Запад — Восток»: Литературные и культурные связи; Вып. I. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Издательство РХГА, 2013, С. 68-80.
21. Картины межкультурной коммуникации в повести Л.Н.Толстого «Кавказ». // «Проблемы филологии. Язык и литература», Москва, МГППУ, 2010, № 1, С. 87-95.
22. Рецепция образа царицы Тамары в творчестве Лермонтова. История и легенда. // Прошлое как сюжет. Материалы Международной научной конференции. Тверь, ТГУ, 2012, С. 125-135.
23. Еще раз о жанре «Горя от ума». // Перспективы жанровой поэтики. Научный семинар Инновационные Гуманитарные проекты. Ростов-на-Дону, факультет филологии и журналистики ЮФУ, 31 августа-2 сентября 2012. // Жанр как инструмент прочтения. Ростов-на-Дону, ФГОУ ВПО «Южный Федеральный университет», НП «Инновационные гуманитарные проекты», 2012, С. 25-51.
24. Кавказский миф русской классической литературы. // Грехнёвские чтения. Словесный образ и литературное произведение. Вып. 6. Нижегород. Гос. Унт. им. Лобачевского. Нижний Новгород. «Книги», 2010, С.280-289.
25. Чацкий в истории и в тексте «Горя от ума». // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. Волинськ, 2010, № 11, С.14-18.
26. Кавказские войны — от мифа к документальности. «Письма из Дагестана» А.Бестужева-Марлинского и «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина. // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Сборник статей и материалов III международной научной конференции. Казанский федеральный университет. Казань. Изд-во «Юниверсум», 2011, С.91-97.
27. СМИ и мифы о Кавказе. // «В пространстве художественной культуры: телеэкран и монитор. Зеркало и зазеркалье домашних экранов». Наука телевидения. Научный альманах. Вып. 7, М.: Государственный институт Искусствознания МК РФ, Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А.Литовчина, 2010, С.137-149.
28. Античные корни грузинской культуры. // Русский язык как неродной: новое в теории и методике. Вып.3, Московский гуманитарный педагогический институт, Москва, 2012, С.226-236.
29. Кавказ как потерянный рай. // Лермонтов и Кавказ. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь. 2012, С.57-70.
30. Миф о Кавказе в творчестве Л.Н.Толстого («Кавказ», «Хаджи Мурат»). Ломоносовские чтения. МГУ им. Ломоносова. ИСАА. Востоковедение. Тезисы докладов. Москва, Акад. гуманитар. исслед., апрель 2006. С. 7-11.
31. Первые грузинские художественные произведения в русской литературе XVIII века. // ИСАА МГУ, Ломоносовские чтения. ИД-«Ключ-С, Москва, 2010, С.87-89.
32. Грузия в период наместничества графа М.С.Воронцова. Ломоносовские

чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции ИСАА МГУ, ИД- «Ключ-С», Москва, 2011, С. 94-98.

33. Русский Кавказ и американский Юг — формирование литературного мифа. Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции ИСАА МГУ, ИД- «Ключ-С», Москва, 2012, С.208-213.

34. Кавказ в массовой литературе XIX века.(«Битва русских с кабардинцами или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга») // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции ИСАА МГУ, ИД- «Ключ-С», Москва, 2013, С.214-217.

35. А.Н.Муравьев – церковный писатель. //XV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Материалы. ПСТГУ. Москва, 2005.Т.2. С. 224-233.

36. Лысково — очаг грузинской культуры на Нижегородской земле (к проблеме историко-культурного контекста нижегородского текста русской словесности. // Нижегородский текст русской словесности. К 100-летию юбилею Нижегородского государственного педагогического университета: межвузовский сборник научных статей. Н. Новгород. НГПУ, 2011, С. 182-191.

37. Мандельштам и Кавказ (или дуэль со Сталиным) Belles-Letters. Словесность. 2010. Альманах. Кн. 4. Библиотека газеты «МОЛ», Москва, С. 139-147.

38. Интеграция мигрантов в социокультурную среду. // Межкультурная коммуникация: современная языковая личность и новые гуманитарные технологии. Тематический сборник журнала «Вестник московского образования». - № 4. - Центр «Школьная книга», Москва, 2013, С. 21-23.

39. Царский путь связи Багратионов с Романовыми. // Монархии в XXI веке: ретроспекция и прогноз. XV Юбилейные Свято-Елизаветинские чтения. М.: Издательство МГАТТ «Гжель», 2013, С.71-87.

40. Трансформация мотива плена в произведениях на кавказскую тему. Сюжет и хронотоп. // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск. Институт Филологии. Сибирское отделение РАН. Научный журнал. 2013, № 1, С. 19-28.

41. Семейные ценности на Кавказе в изображении Лермонтова // Вісник Днепропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Днепропетровск, 2013, 1(5), С.145-154.

42. «Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А.С.Пушкина» .// Дорога к слову: сценарно-методическое руководство.: Пушкинский институт. Москва, 2008, С. 235-240.

43. Имагология (образ другого) и проблема самоидентификации в повести «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого.// Вызовы времени и идентичность: кто мы?// Сценарно-методическое руководство. Пушкинский институт. Москва, 2012. С. 160-167.

44. Вымысел и история в «Повести о грузинской царице Динаре». // «Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы». Материалы международной научной конференции. «Кусковские чтения -2013». М, ГБОУ МГППУ, ООО «Буки Веди», 2013, С.28-3

45. «Небывалое в былом», или Подвиг в русской культуре (В.И.Даль). //Вестник московского образования. Департамент образования города Москвы. Москва,

2014, № 13, С. 71- 76.

46. Проблема коммуникации, диалога и творческое наследие Бахтина. // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки 1(7), Днепропетровск, 2014, С.12-16.

47. Пути христианской праведности в повестях «Старосветские помещики» Н.В.Гоголя и «Человек ли он?» И.Чавчавадзе. // “Пир – это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. – М., ББИ. 2016. С. 158 – 169.

48. Воспоминания о Д.С.Лихачеве. // Дмитрий Лихачев и его эпоха. – Санкт-Петербург. “LOGOS”. 2006. 241-243.

49. Тамара. Шота Руставели. РАН. Исторический лексикон. История в лицах и событиях. V-XIII века. Кн. Вторая. – М., МАИК «Наука/ Интерпериодика». 2006. С.420-427, 713-726.

50. Динамика женских образов кавказской лирики и драматургии Я.П.Полонского. // Я.П.Полонский: творчество, судьба, эпоха. – Рязань, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина. 2015. С. 187-197.

51. Грузинский лекторий. Цикл лекций, посвященных истории, культуре, церкви, иконописи и литературе Грузии. // М., Христианский культурный центр «Встреча», 2015/2016. http://vstrecha-center.ru/project/project_13.html&project=13

Научные статьи и материалы в зарубежных изданиях:

52. S.Andrea in Georgia. “Dal lago di Tiberiade al mare di Amalfi”. Il viaggio apostolico di Andrea, il Primo Chiamato. Amalfi. Presso la sede del Centro. 2008. 221-227.

53. Caucasian Myth of the Russian Classic Literature/ // 3 International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism Proceeding. Tbilisi. Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2010. Pp.13-25.

54. Материалы о Ш.Руставели и грузинской церкви в архивах Киевской Духовной академии. // VI Международный научный симпозиум Contemporary Issues of Literary Criticism. Тбилиси, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University. Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature. 2012. v. I. Pp. 18-27.

55. «Подвиг честного человека». Филологический комментарий к кинофильму Тенгиза Абуладзе «Покаяние». //Память и надежда: горизонты и пути осмысления. Успенские чтения. Киев. «Дух і літера» 2010, С. 366-400.

56. Второе путешествие на Кавказ. Пушкин и Грузия. К вопросу об утаенной любви поэта. // Исследования по русской литературе. Стамбул, изд-во Фатих Университета, 2010, С.24-30.

57. Нико Николадзе и полемика о провинциальной печати. //Niko Nikoladze 170. The Proceeding of International Scientific Conference. Tbilisi. Guram Tavartkiladze Teaching University. 2013. Pp. 18-25.